

Алексей Лебский
ИГРАЯ РОК

Алексей Юрьевич Лебский

Играя рок

Серия «Жизнь и судьба (Горизонт)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51599173

Играя рок:

Аннотация

Автор книги – инженер из Нижнего Новгорода, посвятивший немало лет самодеятельной музыке и электроакустике. Это книга о тех, кто в СССР участвовал в самодеятельных музыкальных ансамблях, строил аппаратуру и инструменты, о тех, которых трясло от The Beatles. События романтической саги о “мальчике, играющем рок” переносят читателя в семидесятые годы двадцатого века. Повествование не оставит равнодушными романтиков и мечтателей, тех кто любит рок-музыку былых лет, кто помнит виниловый бум и первые ВИА.

Содержание

Часть первая	7
Глава от автора	7
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	49
Глава 9	51
Глава 10	53
Глава 11	56
Глава 12	64
Глава 13	68
Глава 14	74
Глава 15	76
Глава 16	82
Глава 17	92
Глава 18	94
Глава 19	99
Глава 20	105
Глава 21	110

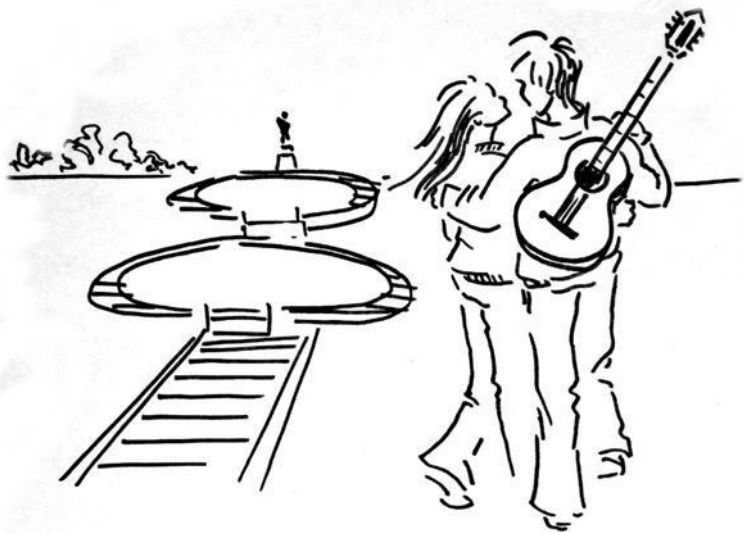
Глава 22	114
Глава 23	116
Глава 24	118
Глава 25	129
Глава 26	133
Глава 21	143
Глава 26	151
Глава 27	153
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Алексей Лебский

Играя рок

© Алексей Лебский

© Художник: Юлия Барановская

Часть первая

*Пусть их освищут меня, – говорит, – но зато я
в ладоши*

*Хлопаю дома себе, как хочу, на сундук свой
любуюсь!*

Флакк Квинт Гораций, “Сатиры”.

Глава от автора

Почему мы начинаем столь неблагодарный труд, как жизнеописание – занятие, возникшее порой от каких-то обид, досад, разочарований? Вот, сделала вам больно жена, теща, или, скажем, на работе продвинулся по служебной лестнице кто-то менее достойный. Тут самое время взяться за бумагу, она все вытерпит, да и боль вашу снимет. Укрощая порой заветные желания, прикрывая плотнее дверцу в шкафу, где хранится скелет, вы достаете свой ноутбук и выдаете в своих текстах все, что можете себе позволить. В этот момент вам совершенно не до того, будет ли кто-то читать сие творение, или, открыв первую страницу, воскликнет:

– Вот, очередной графоман! Делать ему нечего, вот он и пишет тут о своих родственниках, о своих никчемных подвигах, о том, какой он особенный, как он учился, работал, с кем дружил. Но вы, мужественно перешагнув через барьер этой

обида, будто не было, и нет подобных читателей, начали следующую часть своего повествования. Пусть гнилые помидоры уже летят, писучесть не остановить. Желание сохранить, законсервировать участок времени, застолбленный вами, неистребимо. В конце концов, пишется история, скажете вы, и будете правы. Из тысяч субъективных восприятий времени создается некая неподдельная историческая картина. Нет, картина – это громко сказано, пожалуй, открытка или миниатюра. Отдельные приметы, мотивы действий и ценности ушедшего времени – вот то, что является частичкой мозаики мира. Тут мы подходим к самому главному вопросу автора. Нет, не «что делать?» и, тем более, не «кто виноват?». Рассуждения о том, что наполняет сущность поступков героя, чем живет он, будут превалировать в его сумбурных отрывках из прошлого. Броски от прошлых событий к современности, сны, нетрезвый бред – вот что окончательно добьет читателя, решившего осилить этот безумный поток строк. Нет, эта книга не о геройских подвигах на коммунистических стройках и не о расследовании громких преступлений. Если я и пытался где-то что-то приукрасить песнями и стихами, значит, так оно и было, и это отражения времени и в какой-то степени моих героев. Все события этой повести вымышленные, совпадение отдельных имен и фамилий – случайные.

Глава 1

В сентябре 1955 Колю принесли из роддома в корзинке в скромный деревянный домик на Гребешке, где жила его бабушка. То был некий перевалочный пункт, а в дальнейшем маленький мальчик переехал жить на улицу Свердлова. Но тот дом в начале улицы Горького надолго сохранился в его памяти. Самые ранние Колины воспоминания именно о нём. Вот его бабушка, маленькая, худенькая старушка в ситцевом платье в горошек стоит на покосившемся крыльце бревенчатого дома. Под окнами – одуванчики, водосбор, чертополох. За сараями совсем рядом – обрыв, круча. Отсюда открывается необычайной красоты вид на Оку, Гребневские пески, Канавино и Стрелку. Вдалеке, в мутном мареве дымит Автотавод.

Здесь часто они любили сидеть с мамой, расстелив бабушкино клетчатое покрывало прямо на траве. Они брали с собой нехитрый обед – ржаной хлеб, огурцы, вареные яйца, кефир. Почему-то, здесь все казалось таким вкусным. Мама говорила, что этот обрыв край света, а маленькому Коле окский простор и, в самом деле, казался вселенной.

Мамина мама – бабушка Наташа угощала его разными простыми вкусностями, которые Коля обожал. Иногда разминала с зеленым луком и постным маслом сухую икру из воблы, если было настроение – пекла пироги. Сама она жила

на маленькую пенсию, а все сбережения прошлых лет израсходовала на мамино образование. Она гордилась мамой, а во внучке души не чаяла.

Говорила она так: «Коля, я ведь пироги про тебя пекла». Вот прямо так – «про тебя».

Пирожки были вкусные – с капустой, с грибами, с мясом. Все у нее спорилось в руках и в маленькой квартирке, состоящей из кухни-прихожей и комнаты с окном во двор, царили чистота и порядок. У Коли в альбоме сохранилось фото: мама и бабушка пекут пироги. На заднем плане не в фокусе видно диван с полкой и семерых слоников, расставленных по росту на фоне кружевных салфеток. На переднем плане – мама в белом фартуке лепит пирожки, а бабушка стоит рядом и руководит.

Над столом в комнате висел оранжевый яркий абажур, а на кухне – лампочка на витом проводе.

Была здесь и печь, которую топили дровами, и маленькому Коле это казалось чем-то волшебным. В углу около закопченной печной дверцы на полу кто-то прибил гвоздиками аккуратно по кругу крышку от консервной банки. Она прикрывала вмятину в полу, и вызывала у мальчика любопытство.

– Бабушка Наташа, а это что, – блюдец для кошки? Ты ей наливаешь туда молоко? спрашивал Коля. Зимними вечерами они грелись у печки, смотрели на огонь, и вопросам не было конца. Бабушка рассказывала о том, как ее отец при-

шел с войны, как она радовалась его возвращению, всем интересовалась. Шинель его пахла порохом, дымом и потом, и сам он был высокий, широкоплечий, уса́тый. Настоящий герой. Он показал ей саблю, пистолет и настоящие патроны, рассказывал о боях с немцами и австрийцами, показал простреленное немецкой пулей плечо.

– Вот, когда папа улегся отдыхать, я утащила из его вещевого мешка 2–3 патрона со свинцом – решила расплавить пульки и погадать на них, когда металл растечется. Бросила в печь и стала ждать. А оно – как взорвется да засвистит! Да еще, да еще раз. Головешки из печи выбросило, кирпич выпал, а я, глупая, за дверью спряталась оттого, что напугалась до смерти! Вот, в том месте, Коленька, и прогорела половинца, хорошо, хоть пожар не случился. Ну, я давай, заливать водой угли, а отец проснулся, да и отругал меня как следует. А на другой день мама меня наказала. Коля не помнил, когда тот милый домик на Горького снесли, хотя два других еще до сих пор стоят рядом, как ни в чем не бывало. Улица Свердлова стала главным местом для Коли на долгие годы. Красивый зеленый двор, отделенный от шумной улицы стальной решеткой с калиткой. Сирень, черемуха, аккуратная клумба с розами. Подъезд с большой деревянной дверью, широкая лестница. Публика, проживавшая тут, самая разная – служащие, заводское начальство, работники культуры. Дом основательный, сталинка, толстые стены, отопление, горячая вода, телефон. Но, конечно, пока все это было коммунальное,

особенно ванная и кухня. В квартире по левую сторону коридора, ведущего на общую кухню, две комнаты принадлежали Каминским, а две другие напротив – их соседям Пургиным. Отец Коли, Петр Иванович в ту пору работал инженером в КБ приборостроения, а мать, Анастасия Львовна – врачом-анестезиологом в больнице № 5. Иван Павлович Каминский, дед Коли, будучи в прошлом известным и почитаемым режиссером, в последние годы трудился в областном управлении культуры. Имея обширные связи, он привозил лучших актеров и театральные труппы на гастроли и концерты в Горький. Дед был очень важным и занятым человеком, и дома появлялся редко. Кроме того он иногда ездил с проверками в область, а в свободное время вел пару театральных кружков.

Бабушка – Елена Васильевна Громова преподавала в консерватории, но часов у нее набиралось совсем немного, и она с удовольствием уделяла время внуку и домашнему хозяйству. Командировки мужа она не любила, и всегда сильно переживала, когда он отправлялся в область с проверками.

Коля был очень близок с ними, и почти все время проводил на их половине. Они сразу решили, что мальчик не будет ходить в ясли и детский сад, а родители не возражали.

У бабушки он питался, делал уроки, вместе они слушали радио, ходили в театр и кино.

Любимым местом был ближний «Рекорд», но иногда вместе с соседскими ребятами его отпускали в «Летний».

Вечерами бабушка читала ему интересные книжки, рассказывала занимательные истории.

Дикция у Елены Васильевны была превосходная, и когда-то она даже работала на Горьковском радио. Ее любимые книги описывали подвиги сильных и смелых героев-поляриков, отважных покорителей Дикого Запада, мужественных командиров Красной Армии.

Дед, даже будучи очень усталым к вечеру, любил заниматься с внуком: читал ему, рассказывал о великих художниках, композиторах и поэтах. Его огромная коллекция книг и альбомов была в этом хорошем подспорье. Сам он очень увлекался чтением мемуарной литературы, любил серию «Жизнь замечательных людей», интересовался творчеством Гиляровского и Станиславского. Но эти имена пока ничего не говорили маленькому Николаю.

Они забирались на большой диван, над которым располагались полки дедовой библиотеки, доставали книги и альбомы. Некоторые художественные произведения поражали воображение мальчика. Особенно страшными казались лубочные картинки, персонажи которых встречались со смертью, с чертом в необъяснимых сюжетах. Дед рассказывал внуку о Библии, о её влиянии на жизнь и культуру. Великолепные альбомы с репродукциями мастеров ренессанса, русской живописью 19 века Коля мог просматривать бесконечно, открывая для себя удивительную силу воздействия работ художников прошлого.

Но иной раз, чтобы развлечь внука, дед учил его складывать из бумаги различные фигурки – пароходик с двумя трубами, галочку-самолетик. Его ловкие руки могли показывать простейшие фокусы с платком, с картами.

Основные технические работы по дому дед выполнял сам, лишь в редких случаях вызывая коммунальщиков. Маленький Коля всегда присутствовал при этом, поскольку это его очень интересовало. Дедушка научил Колю правильно держать молоток, пользоваться отверткой и гаечными ключами в раннем возрасте. В наследство любимому внуку достался старый американский конструктор «Мессано» с большим количеством элементов и действующей маленькой паровой машиной. Запускалась машина с помощью спиртовки, которая подогревала паровой котел. Когда вода в котле закипала, пар поступал в цилиндры, и поршни начинали раскручивать коленчатый вал. Это вызывало у мальчика восторг! С помощью этой машины можно было приводить в движение различные конструкции.

Поздно вечером Коля с восторгом пересказывал матери или отцу разные истории, услышанные от деда, показывал, что было сделано из конструктора, какие работы они производили в доме и прочее. Петр Иванович радовался, что Коля активно познает мир, и, когда было время, занимался с ним, показывая работу магнитофона или приемника, рассказывая о радиодеталях и их назначении. Купленный им в «Детском Мире» электрический моторчик отлично допол-

нил конструктор. На его ось был надет шкив, приводивший в движение изготовленный Колей подъемный кран. Электричество и радио очень интересовали его с самого раннего возраста. Отец рассказал, как с помощью радиоволн передается речь и музыка на расстояние, как работает микрофон и динамик, как создаются звуковые записи.

Кроме того, огромный интерес у сына вызывало кино, и все, что было с этим связано. С родителями Коля посмотрел американский мультфильм «Белоснежка». Мальчик был в восторге от диснеевских образов, и ушёл из кинотеатра в большом возбуждении.

Мама очень любила кино, иногда под аккомпанемент отца, который умел играть на различных инструментах, пела популярные песни из кинофильмов и оперетт. У нее был приятный высокий голос, и когда она пела, даже Любовь Петровна на кухне переставала греметь кастрюлями, с удовольствием слушая её.

То было время Клавдии Шульженко, Марка Бернеса, Леонида Утесова, Людмилы Лядовой, Николая Рыбникова, Гелены Великановой. Их песни звучали на радио в различных программах. Это было начало новой советской эстрады.

Радио оказалось настоящим чудом для Коли. Иногда ему приходилось оставаться одному, если бабушке нужно было выйти на работу или в магазин за продуктами. Коля прибавлял громкость репродуктора, и с интересом слушал передачи про Антона Камбузова и Захара Загадкина, «КОАПП»,

«Встречу с песней» Виктора Татарского, эстрадную музыку и оперетты. Ему постепенно открывался новый, огромный мир музыки и звука.

Однажды дед принес из театра патефон, который использовался в каком-то спектакле в качестве реквизита. Коля смазал механизм, вращающий диск, удалил из резонатора мусор и пыль, и заменил сломанную иголку. Впервые он увидел, как воспроизводятся граммафонные пластинки. Пластинок на 78 оборотов нашлась целая стопка, в основном, классика. Ему нравились «Арагонская хота», «Болеро» Равеля, «Щелкунчик». Коля часами мог слушать патефон. В процессе прослушивания, прикладывая бумагу или лист картона под разными углами к раструбу резонатора, он замечал, как меняется звук, как можно усилить его, сделать звонким или заглушить.

Заметив особый интерес Николая к музыке, родители, посоветовавшись между собой, решили, что начальное музыкальное образование ему не повредит, а уж дальше он и сам определится, продолжать или нет. Выслушав предложение, Коля сразу же согласился, что это было бы хорошо. Времени у него на занятия будет много, к тому же папа убедил его, что с клавишами будет легко справиться, и скоро он сможет играть любимые мелодии самостоятельно.

Глава 2

Грузчики братья Матюшины поднимали на третий этаж пианино «Волга». Они, совершенно не напрягаясь, будто бы это был небольшой груз, быстро шли по широкой лестнице, придерживая широкие такелажные ремни. Коля взволнованно смотрел, как они с лестничной клетки филигранно протиснулись в дверь, ничего не задев. Вот инструмент и на месте. Пианино отлично вписалось в простенок между дверью и диваном в комнате матери и отца.

Соседка, Любовь Петровна, разворачиваясь с кастрюлей в коридоре, неодобрительно глянула в сторону блестящего черного инструмента. Расплатившись и распрощавшись с грузчиками, папа открыл крышку и взял несколько аккордов, пробежался по клавишам и сказал, что нужно вызвать настройщика, и, зевая, отправился ставить чайник на кухню.

Тут у него произошел некий неприятный разговор с Л.П., которую Петр Иванович недолюбливал и за глаза называл «серой мышью». Но тот разговор Коля не слышал, так как в это время, приоткрыв нижнюю крышку пианино, изучал устройство инструмента.

Супруги Любовь Петровна и Сергей Кузьмич Пургины занимали в квартире номер двадцать один две комнаты с окнами, выходящими во двор. Любовь Петровна вела бухгалтерию в РОНО, Сергей Кузьмич работал начальником сбороч-

ного цеха на ГАЗе, и ему в ближайшее время должны были предоставить отдельное жилье в Автозаводском районе. Вероятно, в этом случае Каминским должна была остаться вся квартира целиком.

Анастасия Львовна активно ненавидела соседей, и с нетерпением ждала, когда же они, наконец, съедут.

Дед возвращался с работы, как всегда, поздно. Он вел театральный кружок во Дворце культуры завода «Красная Этна», и сегодня был измотан автобусной ездой с пересадками.

Садись ужинать, бабушка подала деду суп и второе, потом пили чай с “живым” вареньем из черной смородины и бутербродами, принесенными дедом из театрального буфета.

– Ваня, ты днем-то обедал? – пытала его бабушка.

– Так ведь, что-то не до еды сегодня было, Лена. Встречали комиссию из Москвы, потом поехали с ними в театр драмы. Они в буфете, конечно, выпивали, но ты ведь знаешь, как я к этому делу отношусь. Потом кружок.

– Как твой бронепоезд?

– Что ж, на три четверти спектакль готов. Васька-Окорок у меня просто потрясающий типаж, а вот Вершинина я бы заменил, – дед оживился, вспоминая кружковцев, – думаю, основные сцены у нас получатся очень яркими. Но декорации, конечно, слабые. Да, я и сам бы оформил спектакль, и есть интересные мысли, только остатки фанеры надо из театра забрать. Каминский, будучи прекрасным театральным ху-

дожником, с любовью работал над декорациями, сам готовил эскизы афиш. В его голове рождалось великое множество художественных идей, он был вдохновлен творчеством знаменитого ленинградского режиссера и художника Акимова, и мечтал сводить в этот театр внука.

– Ты что, собираешься декорации делать? Ну-ну, – бабушка неодобрительно поморщилась, тебе тяжести таскать нельзя. Неужели больше никого не нашлось? Она принесла деду чай с лимоном в большом стакане с серебряным подстаканником, а Коле – молоко в его любимой розовой кружке. После ужина бабушка, как бы невзначай, вспомнила, что в консерватории есть один очень приятный студент, который мог бы заняться с Колей музыкой, если, конечно, родители будут не против. Коля, не почувствовав подвоха, согласился, мол, пускай, приходит. Дед уткнулся в «Горьковскую правду» и воздержался от обсуждения этой идеи. Дедушка с бабушкой и Колины родители не враждовали между собой, вели раздельное хозяйство, были во многих вопросах очень деликатны, если это не касалось воспитания мальчика. Но из-за Коли у них часто возникали скандалы, жертвой которых сразу же оказывался Петр Иванович. Он почему-то всегда оказывался меж двух огней. Мама ворчала, что дедушка излишне балует Колю, многое ему позволяет, разрешает долго не ложиться спать, и прочее. Петр Иванович нервничал, страдал по причине этих разногласий, но старался сдерживать себя и никогда не позволял себе каких-либо выпа-

дов. Он искренне любил Анастасию Львовну, восхищаясь ее умом и красотой, и старался во всем ей угодить, но и отца боготворил.

Дед за стеной иногда вполголоса ворчал на молодых родителей, иногда передразнивал или комментировал их, но беззлобно, и зрителем в этом случае была только бабушка, мудро соблюдая нейтралитет.

В общем, среда, в которой рос Коля, была наполнена добротой и любовью, а бытовые трудности постепенно преодолевались.

Глава 3

Коля, старательно сложив ладонь «яблочком», нажимает на клавиши. Разучивает «Во поле береза стояла» уже второй день и злится. Порядком надоело, но никак не дается. То промажет, то с длительностью ошибется. Он пытается взять аккорд, но пальцы, будто одеревенели, не слушаются.

Как они двумя руками это делают, да еще на педали жмут, ума не приложу. Сейчас, вот сейчас придет Леонид Алексеевич, а урок не выучен. На лбу выступил пот. Раздаётся дверной звонок. Вот и все.

Леонид Алексеевич важно проходит в комнату, его туфли безукоризненно начищены, рубашка идеально отглажена, галстук отлично подобран к ней в тон.

– Та-ак, молодой человек, – нараспев произносит Леонид Алексеевич. На чем мы остановились? На «Березе»? Голос у него неприятный, высокий и резкий. Коля разминает измученные пальцы, и кладет их на клавиши. Леонид Алексеевич сурово глядит на его неверную посадку, и делает одно замечание за другим.

– Ну, Коля, это нужно было вызубрить, просто за-ау-уучить. Это плохо, мы так и за неделю никуда не продвинемся. Жарко, студент снимает галстук, вешает на венский стул. Колю просто выводит из себя, когда он нараспев по слогам начинает ему что-то втолковывать. Леонид Алексеевич от-

крывает дневник, записывает туда замечания. Коля в ужасе. Неужели так будет каждый раз? Урок продолжается разучиванием детской французской песенки про кошку, которая украла сало. Песня простая. Колины руки устали, он с нетерпением ждет окончания своих мучений. Леонид Алексеевич уходит в соседнюю комнату, разговаривает с бабушкой. Коля пытается расслышать, о чем идет речь, но дверь плотно закрыта, а стены толстые.

Глава 4

Девчонка была недурна, очки ее нисколько не портили, скорее, добавляли сексапильности. Свободное место было только за её столом, взяв билет, Коля сел рядом. Одурев от волнения, жары и формул, они сдавали устный экзамен по математике. Духота в маленькой закупоренной аудитории со стенами, грубо окрашенными зеленой масляной краской достигла максимума. Он прочитал вопросы билета, и успокоился: почти все было ему знакомо, но третий пункт, связанный с шарами, вызывал затруднения.

– Слушай, у тебя формулы шаров есть? – зашептал Коля.

Ничего не смущаясь, красавица приподняла край зеленого шелкового платья, обнажив сливочное бедро вплоть до кружевного края белых трусиков. Формулы площади и объема шара были начертаны на ее изумительной коже именно с этой стороны.

В это время экзаменаторша, не выдержав духоты, встала со своего места, чтобы приоткрыть дверь. На какое-то мгновение она вышла за порог комнаты, где шел экзамен.

– Пардон, – повернувшись, Коля прижался на минуту к красавице-соседке, и быстро переписал формулы. Уже через пятнадцать минут, получив вполне заслуженную четверку, он понёсся вниз по главной лестнице первого корпуса на свежий воздух, к газировке с яблочным сиропом, к откосу, к

Серге. Прелестная спасительница мигом выскочила из головы.

– Ну, что, чувак, сдал?

– Сдал, конечно, было б чего сдавать. Вопросы достались простые.

– Да, ты молодец! Мне все это только предстоит, но с моими знаниями, разве что в технарь удастся поступить.

Они познакомились три года назад, когда Коля стал ходить в клуб «Дружные ребята».

Началось все с настольного тенниса, которым увлекался его одноклассник Вовка Маркин.

Он страдал лишним весом, перепробовал различные спортивные секции, бросал и снова начинал курить, но все было бесполезно, килограммы не отступали. Вовка поймал его в школьной раздевалке, когда Каминский уже натягивал зимние сапоги.

– Камень, я записался в секцию пинг-понга, вчера ходил первый раз. Но, я думаю, тебя заинтересует, что там набирают ребят в вокально-инструментальный ансамбль. Я случайно узнал, слышу – в соседнем зале органа играет, заглянул – ребята тренируются.

– Не тренируются, а репетируют, а где этот клуб?

– Знаешь, где Буров живет?

– Да, был как-то.

– В соседнем доме, там еще вывеска «Дружные ребята» над входом в подвал.

– Марк, ты позвони мне, как соберешься, лады?

– Так я в субботу вечером иду, сможешь? Если что – встречаемся у Водного.

– Годится, – Коля надел шапку и зашагал к выходу. В субботу после обеда Маркин позвонил. Трубку сняла бабушка:

– Коля, тебя тут Володя Маркин спрашивает.

– Да, скажи ему, – сейчас выхожу. В тот год зима была особенно слякотной. Снег падал, и тут же таял под ногами, они шли по улице Минина, то и дело, отряхивая от мокрых хлопьев шапки и пальто. Вот они и на месте. Он даже представить себе не мог, что бывают такие огромные подвалы. Клуб растянулся под всем домом, разделившись на три части: секция настольного тенниса, рукоделия и домоводства, вокально-инструментальный ансамбль. Последний блок оказался самым большим, на подиуме стояла звуковая аппаратура, микрофон на стойке, пара усилителей с колонками и электроорган «Юность». Сцена тускло освещалась одной лампочкой, из ребят пока никого не было. Сзади кто-то окликнул Маркина, они оглянулись, и увидели высокую симпатичную брюнетку в «олимпийке»

– Вы хотите записаться в секцию настольного тенниса? – она достала общую тетрадь и авторучку.

– Нет, я по поводу ансамбля.

– Так, сейчас должен подойти Глеб, он у них старший, он все покажет. Меня зовут Вера Андреевна, я преподаю физкультуру в школе № 13, а здесь бываю три раза в неделю. Не

успела она произнести эти слов, как в клуб ворвалась целая гурьба мальчиков и девочек разного возраста. С собой они принесли комья снега и грязи на сапогах, и на полу сразу растеклись лужи.

– Вот и ансамбль, – Вера Андреевна протянула связку ключей коренастому мальчугану в кожаном кепи, – Глеб, тут к тебе мальчик пришел...

– Коля. Коля Каминский. Я на соло-гитаре играю, но, если надо, могу и на басу.

– Глеб, – важно представился мальчуган, выглядел он гораздо моложе Николая.

– Ну вот, – подумал Коля, – салаги. И что с ними делать? Если не понравится – уйду.

– На басу не надо, – сказал Глеб, – на басу я играю. Очень хорошо, что ты на соляге будешь. Николая покорило. Вскоре появился еще один участник состава, органист Михаил. На вид ему можно было дать лет семнадцать, настолько он был крупным. Однако его истинный возраст выдавала по-детски наивная физиономия.

– Вы все из одного класса, что ли? – спросил Николай, – зал ответил ему гулким эхом.

– Не, он из тринадцатой школы, а я из седьмой, – пробасил Михаил. Николай прошел в каптерку за сценой. Здесь он снял пальто, и повесил его на гвоздик рядом с курткой Глеба. Среди разного хлама, лопат и веников хранились и клубные инструменты. Он расчехлил одну из гитар, и был поражен ее

весом. Это был бас «Урал».

Следующий чехол содержал черное шестиструнное чудовище с уродливым рогом.

– «Тоника», – гордо сообщил Глеб. Мы ее зовем – Антонина. Наверное, мальчуган никакого понятия не имел относительно тоники, доминанты и субдоминанты, да и Коле эти термины вряд ли были знакомы. Пока Николай распутывал из общей кучи один из кабелей, Глеб уже включил свой бас в усилитель, и настроил: соль, ре, ля, ми. Звук был ужасен, динамик дребезжал на некоторых нотах.

Услышав звуки ансамбля, в зал потянулись любопытные слушатели. Кто-то пришел из соседних секций, но были и парни с улицы, в куртках и пальто. Младших школьников Глеб моментально прогнал, пообещав надрать уши, но старшие нагло уселись в первом ряду, и жадно созерцали происходящее на сцене.

Николай тоже подключился к усилителю, закрепив проводки в гнезде спичками. Аккорд соль мажор звучал мощно, но неверно. Мешали разбитые лады, и пришлось отверткой регулировать высоту струн. Он провозился довольно долго. Парни в первом ряду скинули куртки на соседние стулья.

– Глеб, “шизгару” давай! Рыжий парень с ракетками заюлююкал, как индеец. Широкий коренастый мальчик, сидевший с краю, затопал ногами, разбрызгивая грязную воду по полу. Коля взял первый аккорд из “Venus”¹, бас и орган

¹ композиция голландской группы “Shocking Blue”

подхватили, кто-то сзади отбивал ритм на пионерском барабане. Глеб вопил на английском, еле вытягивая. Когда после первого куплета прозвучала знаменитая «соляга», зрители захлопали и засвистели. Они сыграли экспромтом «Червону руту», «Люди встречаются», потом еще что-то из советских песен в ля-миноре. Наступил вечер, пора было заканчивать репетицию и расходиться по домам. Коренастый парнишка подошел к Коле, протянул руку:

– Сергей, – представился он, – я из тринадцатой школы. Чувак, ты откуда такой взялся, ни разу тут тебя не видел...

– Николай... Каминский, – Коля замялся, – да, я, собственно, тут первый раз.

– Ну, фамилия у тебя законная, прямо на афишу.

– Дед у меня был артистом, может, слышал? Он даже в одном старом фильме снимался. Но, в общем, это неважно. Серега пропустил про деда мимо ушей.

– А инструмент у тебя есть?

– Нет, пока. Но будет к концу года. Я сейчас за эти пятнадцать минут чуть пальцы в кровь не стер. Это ж не гитара, дрова какие-то.

– Пошли отсюда, поболтаем, тебе в какую сторону?

– Мне на Свердловку, а тебе? – спросил Коля.

– А мне в обратную сторону, на Фрунзе. Но я тебя до площади провожу. Сергей рассказал ему, о своей школе, о том, как Верочка пробилась в администрации района, и обустроила этот клуб для детей, о том, какую музыку он любит, как

мечтает об электрогитаре, настоящей немецкой и много еще о чем.

Он понравился Коле своей простотой. Они постепенно подружились, не проходило и дня без их телефонных разговоров, частыми были встречи в клубе. Нина Ивановна, мать Сергея работала учителем географии в тринадцатой школе, отец, Константин Анатольевич – инженером на заводе им. Серго Орджоникидзе. Это был высокий, видный мужик. Николаю запомнилось его волевое лицо, твердое рукопожатие. Всем своим видом он излучал силу и стабильность, гарантию успеха, этакий коммунист в исполнении Урбанского. Еще когда Сережка учился в восьмом классе, однажды отец не вернулся с ночной смены. Нагрузки сломили его, – сердце не выдержало. Мать осталась с двухлетним Сашкой и четырнадцатилетним Сергеем. Неожиданная смерть отца сильно потрясла его.

Кашин стал хуже учиться, даже, несмотря на присутствие матери в школе, пропускал уроки, стал курить. Вечерами пропадал в клубе, выпивал с ребятами красный вермут за сценой, домой приходил за полночь.

Позднее интерес у обоих к «Дружным Ребятам» пропал, и они брэнчали на гитарах дома у Сереги или вечерами на откосе.

Сейчас Сергей совершенно искренне радовался Колиным успехам, его поступлению в институт.

Николай позвонил от друга домой. Трубку сняла только

что вернувшаяся с работы мама.

– Мам, я сдал, четверка. Думаю, пройду без проблем. У меня теперь полно баллов.

– Молодец, сынок, я так рада. Ты у Сережки?

– Да, немного погуляем?

– Хорошо, но не до ночи, надеюсь?

– Ну, часок-другой – он дал отбой.

Сергей достал со шкафа бас-гитару черного цвета в форме скрипки с эфами. Когда-то ее купили у Левы-хиппи за сущие гроши.

– Сыграем, или сразу пойдем пиво пить? – спросил он.

– Не, пива я не хочу, давай сыграем.

Дуэт был прост, и предельно сыгран, ламповый телевизор работал усилителем, то, на чем играл Коля, было ободранной ленинградской гитарой, которая звучала не лучше консервной банки. Они исполнили все, что разучили когда-то вместе. Собственно, своеобразный ритуал.

– А давай, «Кактус»², – “На ферме Пачмана”?

– Нет, Серега, не выйдет, темп просто сумасшедший, без барабанов это не сыграть. Да и вообще, что-то мне они разонравились.

– Ну, тогда “Wild World”³.

Завершив свой нехитрый репертуар этой композицией Кэта Стивенса, ребята ушли бродить по откосу, рассуждая о

² американская рок-группа

³ песня популярного британского сонграйтера Кэта Стивенса

битлах, роллингах, энімалз и известных горьковских группах. Увлеченный беседой, Серега опять проводил его до дома, долго стоял с ним потом у подъезда.

Глава 5

К следующему визиту Леонида Алексеевича Коля готовился два вечера под присмотром отца. Это отняло у них много сил и терпения. Кроме практического разучивания нужно было выучить обозначение нот на стане, ключи. Во второй вечер закончили они поздно, Коля практически засыпал над клавишами, и пришлось закончить занятия. В день прихода учителя музыки мальчик был очень взволнован с самого утра. Коля нехотя поковырял ложкой манную кашу, и отодвинул тарелку. Выпил немного чая. Бабушка забеспокоилась:

– Ты как себя чувствуешь, ничего не болит?

– Нет, бабушка, я здоров. Услышав звонок в дверь, Коля стремительно покинул комнату.

Он перебрался на родительскую половину, и попытался протиснуться между стеной и пианино. Проход был узок, и голова не пролезала, он окинул взглядом комнату в поисках другого укромного места. Когда Леонид Алексеевич вошел в комнату, Коли нигде не было. Стараясь не шуметь, он забился в самый дальний угол под никелированной кроватью. Его знобило. Какой позор! Сейчас учитель найдет его, и они с бабушкой начнут доставать его дедушкиной тростью из-под кровати.

– Что ж, если мальчика нет, я тогда пойду?

– Коля, вылезай сейчас же, – бабушка с помощью маленького круглого зеркальца запускала солнечного зайчика под кровать. Она сразу его нашла. Зайчик бегал по Колиным коленкам, перепрыгивал в другой угол подкроватного пространства, снова возвращался к нему. Коля неохотно вылез из своего убежища, и захныкал. Обидно ему было не только от того, что он показал свою слабость, он весь вывозился в пыли, и выглядел перед учителем не только трусом, но и грязнулей. Но, деваться было некуда – пришлось мыть руки и садиться за инструмент. Леонид Алексеевич был на том уроке к Коле мягок, будто бы ничего плохого утром не произошло. Мальчик отыграл заданные этюды, как попало, но никаких оценок и замечаний в конце не последовало. Даже следующее домашнее задание не показалось трудным. Но наступило какое-то отчуждение, и Коля Каминский уже был сыт по горло этими занятиями. Так, собственно, и закончилось Колино начальное музыкальное образование. В тот год произошло два важных события в жизни Каминских. Съехали Пургины. Сергей Кузьмич получил повышение, и вместе с тем продвинулась его очередь на получение новой квартиры. Л.П. с важным видом упаковывала скарб в большие картонные коробки из-под каких-то китайских товаров. На одной из них Коля прочитал «провинция Гай-пин Ляо-нин» и тут же начал пытаться бабушку, что такое провинция и как переводятся эти забавные знаки из кривых черточек. На первый вопрос он ответ получил, но вот с иерогли-

фами Елена Васильевна, знавшая три языка: французский, английский и немецкий оказалась в тупике. В то время Советский Союз получал много качественных товаров из Китая: термосы, трикотаж знаменитой марки «Дружба», полотенца и т. д. Взамен китайцы приобретали легковые и грузовые автомобили Горьковского автозавода, которые славились своей надежностью на весь мир. В конце года скончалась бабушка Наташа. Колина мать провела рядом с ней её последние дни и ночи. Отпуска не хватило, и пришлось брать дни за свой счет. На работе в ней очень нуждались, именно в этом году она впервые начала ассистировать самому Королеву, знаменитому на всю страну кардиологу. Вместе они провели несколько удачных операций на сердце, для Анастасии Львовны это была большая честь, работать под руководством Бориса Алексеевича. Кроме того, это был новый опыт, новые знания. Бабушка не мучила Колину маму, все говорила: – у тебя семья, Настя, оставь меня, беги домой. Анастасия Львовна разрывалась, бегая с конца улицы Горького домой, и обратно, покупала лекарства и продукты, стояла в очередях. И однажды все это вот так закончилось. Коле было очень жаль бабушку, теперь, когда съехали Пургины, можно было бы взять ее жить к себе... Это была его первая большая потеря, и он грустил вместе со всеми. Похороны и поминки получились скромными. Пришли соседки улицы Горького, мамыны подружки с работы. Долго сидели, говорили о том, о сем, вспоминали бабушку. Это событие приостановило ре-

монт, который производился во второй половине жилья. Нанятые рабочие установили новые батареи, побелили потолок, покрасили окна, и на этом закончили. Петр Иванович мечтал о собственном кабинете, как изобретатель и рационализатор, он имел полное право на отдельные метры. Для Каминских окончилась эпоха коммунального жилья. Похудевшая в последнее время Анастасия Львовна казалась моложе и энергичней. Она была теперь озабочена покупкой новой ванны и выбором обоев. Она являлась мотором всех этих перемен, поскольку Колиного папу, по ее словам «трудно было сдвинуть с места, его все устраивало и так». Хотелось и новую мебель, все это требовалось где-то доставать, переплачивая, а с деньгами у семьи после похорон бабушки возникла брешь. Но летом с финансами неожиданно помог Иван Павлович, сняв со своей сберкнижки целую тысячу рублей! Колин папа сначала отказывался от этих денег, но дед убедил его, что принимать деньги от родителей не зазорно, и надо завершить начатое. Ремонт продолжился. В коридоре поклеили новые светлые обои. Старый треснувший телефонный аппарат заменили новым, из ярко-красной пластмассы, купили долгожданный холодильник “Саратов”. Однажды Петр Иванович сообщил, что везет из «Сантехники» новый унитаз, чем немало удивил, и порадовал Анастасию Львовну.

Жизнь постепенно налаживалась.

Глава 6

В пятом классе Коля сидел за одной партой с Андрюшкой Говоровым. Его брат Вовка отличный гитарист, участник горьковской группы "Птицы» имел настоящую чешскую электрогитару "Star-7" и знал о музыке буквально все.

С грехом пополам Вовка учился в Водном, сочетая репетиции, портвейн и жизнь с молодой женой и ребенком.

Когда однажды Андрей притащил друга к себе домой на Ижорскую, Коля был поражен размерами этой квартиры. Они сняли обувь в прихожей, и прошли в большую и светлую комнату. Тут царил беспорядок, будто все покинули квартиру в невероятной спешке, роняя стулья, стоявшие на пути, и оставляя по дороге домашние тапочки. Этого Коля не мог себе представить в своем жилище, тщательно обустроенном мамой.

– Ты не удивляйся, отец отдыхает на юге, Вовка с Танькой на работе, а мой драгоценный племянник в яслях. А вообще, они порядок любят.

– А ты как без них, совсем один дома?

– Нет, я обедаю у тетки, отец договорился. Она живет в нашем доме и за мной присматривает, сейчас, того и гляди, прискачет. Будет кормить, а потом уроки заставит делать. Потом все проверит, да если что не понравится, переделывать заставит. Она раньше директором техникума была.

Вре-едная! Зато брательник у меня – что надо, все мне разрешает. Обходя расставленные препятствия, они прошли в Вовкину комнату, и Андрей сразу же включил магнитофон, стоявший на подоконнике. Коля успел рассмотреть электрогитару, висевшую на стене. В лучах послеобеденного солнца она ярко светилась алым цветом, а потускневший лак на головке грифа казался янтарным. В этой комнате, узкой как келья, из мебели были только письменный стол и диван, накрытый белым чехлом. На столе книги аккуратно сложены в стопку. Ничего более. Когда лампы нагрелись, зазвучал заводной рок-н-ролл. Звук был мощный чистый, и, когда между куплетами вступила гитара, Колькино сердце будто защемило. А потом его всего затрясло. Это было здорово, пробирало до слез. Такая музыка входила прямо в сердце, бесповоротно и навсегда, это было сродни волшебству.

– Законная штука! – Коля протянул руку, и осторожно дотронулся до засаленных струн Йоланы, – а что, Вовка здорово играет?

– Вовка один из первых. В городе есть еще несколько составов, названий не помню. К себе он меня не берет на репетиции, у них это строго, поэтому, я их слышу только редко, на вечерах. Как то, раз видел, как они делали «Рок вокруг часов» в клубе на Свободе, там такое творилось!

– А это что еще такое «Рок вокруг часов»?

– Законная вещь, заводная!

– А Вовка где сейчас работает?

– Крановщиком в порту вкалывает, во вторую смену. Деньги нужны... Днем учится, вечером подрабатывает, – Андрей нажал клавишу, и остановил магнитофон. Выйдя от одноклассника, Коля сел в трамвай № 2 и, задумавшись, проехал свою остановку. В тот день мальчик не мог думать больше ни о чем. Он пытался делать уроки, открыл учебник географии и начал раскрашивать контурные карты Америки, но не смог совладать с собой, в голове крутился “Rock And Roll Music”⁴. Он отложил в сторону цветные карандаши и карты, и притащил из комнаты дедушки и бабушки несколько номеров журналов Англия и Америка. Коля пролистал все от корки до корки, но нигде ничего не нашел о гитарах и музыке вообще. На гляцевых страницах широко улыбался Кеннеди, сияли никелем и яркой эмалью кадиллаки и студебекеры с блестящими рыбьими хвостами, на фоне небоскребов шагали по тротуарам красивые блондинки с высокими прическами в облегающих платьях. Об этой музыке там не было ничего, будто она не существовала.

Его позвала к обеду бабушка, она всегда старалась кормить внука разнообразно, а сегодня приготовила его любимый суп – баранью похлебку с чесноком. Аппетита у Коли не было, он лениво отправил в рот пару ложек, откусил кусочек черного хлеба, затем встал из-за стола и отправился в прихожую. Бабушка потрогала его лоб, но причин для беспокойства не было.

⁴ композиция гитариста Чака Берри

– Бабушка, я пойду на откос прогуляюсь.

– Велосипед возьми.

– Нет, шины спустили, потом как-нибудь накачаю. Звук, который он сегодня услышал, не выходил из головы. Наваждение овладело мальчиком полностью, его просто распира-ло, этим хотелось поделиться с кем-то, но с кем?

Глава 7

Петр Иванович увлекался музыкой, в его фонотеке были: Клаудиа Вилла, молодой совсем, но уже очень популярный Челентано, Робертино Лоретти, а также всевозможные оркестры, исполняющие джаз. Все это жило на странных металлических бобинах с пленкой, хранившихся в оранжевых картонных коробках фирмы «Agfa». Был и большой самодельный магнитофон, который умел воспроизводить эти пленки. Он стоял рядом с платяным шкафом прямо на полу. Маме это очень не нравилось, он не давал подойти к окну, к тому же конструкция не отличалась красотой, наружу торчали острые углы, высывались петли проводов. Они норовили зацепиться за мамины новые чулки, и ее негодованию в этом случае не было конца. Вечером, когда папа включал его, Коля с интересом наблюдал, как в магнитофоне начинают светиться электронные лампы, как, извиваясь между блестящими стойками, движется пленка. Звучал монстр гораздо лучше, чем патефон. А еще в шкафу у отца хранились самодельные пластинки «на костях». Откуда брались эти записи, Коля не знал, но догадывался, что кто-то привозил их из-за границы, и копировал. Несмотря на запреты, все это появлялось сначала в Москве и Ленинграде, а потом уже и в Горьком. Из этой музыки Коля хорошо помнил только несколько исполнителей, и оркестров, которые ему нравились, – Элен

Форест и Арти Шоу, оркестры Глена Миллера, Теда Хиза. Иван Павлович не проявлял интереса к новой популярной музыке. Дед любил Брамса, Бетховена, Вивальди, Бизе. Коля не находил в нем интересного собеседника. А вот отец был в этом отношении ему ближе. Петр Иванович и сам неплохо играл на кларнете и саксофоне, участвовал в самодеятельном оркестре. Прошел год, другой и у Колиного папы появился транзисторный приемник (VEF-12) и сразу привлек внимание мальчика. Петр Иванович сразу оборудовал приемник дополнительным диапазоном коротких волн, что позволяло принимать некоторые станции без «глушилок». Разобравшись с переключателем, Коля научился находить нужные частоты, на которых передавали популярную музыку. Радио "Wolna Europa" начинало свои музыкальные передачи для жителей Польши в 19 часов (по Москве в 21 час). Он старался закончить с уроками к этому времени, и прибегал к отцу. Иногда приемник был занят, Петр Иванович, отдыхая на диване, слушал новости или классическую музыку, но если сыну было нужно, он не отказывал.

Одна мелодия сменялась другой, особенно трясло Колю, если было что-то "w wykonaniu zespolu Beatles"⁵. Ну и по "Голосу Америки" и по BBC тоже все это передавали, только слышно было хуже, их глушили. К шестому классу, по словам мамы, Коля окончательно «сбрэндил» и, запустив все предметы, занялся постройкой электрогитары. Не осо-

⁵ в исполнении ансамбля Битлз (польск.)

зная последствия, не задумываясь, нужно ли ему это или нет, он старательно изучал описания конструкций в журналах, электрические схемы. В школе на уроке труда он поведал учителю о своих планах. Николай Иванович любезно разрешил ему воспользоваться кабинетом труда под своим присмотром. Более того, он обещал зачесть его изделие вместо обязательной табуретки, которую должны были делать все мальчишки его класса. Но, несмотря на это, паркет в Колиной квартире все равно оказался покрытым опилками, стружками, кусками пластмассы. Кроме того, везде были разложены пинцеты, плоскогубцы, сверла и шурупы. Гитара не могла быть построена только на уроках труда она поглощала все Колино время. Часто, приходя с работы, мама заставляла Колю с дымящимся паяльником в руках. Он даже не бежал встречать ее и разгружать сумки с продуктами – так был увлечен своим делом. Анастасии Львовне вовсе не нравилось все это, она ждала от него хороших результатов в учебе, но все получалось наоборот. Хотя, Колины школьные успехи и оставляли желать лучшего, Петр Иванович видел в настойчивости сына нечто разумное и полезное. Многие он подсказал, и помог понять физику процессов, происходящих в электронной гитаре. Теперь Коля знал, как устроены переменный резистор, реле, как возникает ток, когда намагниченная струна движется над сердечником катушки. Знания пополнялись пониманием простейших электрических схем, правилами соединений различных пассив-

ных и активных элементов. Когда-то давно они с папой построили миниатюрный детекторный приемник. Его схема содержала катушку, диод и слюдяной конденсатор, и все это убиралось в скорлупку от грецкого ореха. Стоило прикрутить выведенный провод к батарее отопления или массивной стальной ограде – в наушниках возникал негромкий, но уверенный звук мощной советской радиостанции «Маяк». Родители всячески поддерживали Николая, зависшего между тройками и двойками, старались помочь ему, и как-то проследить за выполнением им домашних заданий, однако, с алгеброй у него сильно не ладилось, и к окончанию учебного полугодия его положение стало хуже некуда. Конечно, дело было в том, что Николай почти все время думал не о том, был невнимателен. Имея похвальную грамоту за успехи в начальной школе, он мог легко нарушить простой порядок арифметических действий, наделать ошибок и помарок в диктанте, забыть падежи и склонения. Несколько лучше было с литературой и немецким языком, тут он даже опережал многих сверстников, а учителя отмечали его способности освоению гуманитарных наук. Но хором все они ругали его за лень и невнимательность. Коля и сам знал за собой эти грехи, но ничего не мог с собой поделать, внутри его росла какая-то убежденность, что он создан для чего-то особенного, что все вокруг серые тёмные и ничего не понимают в том, что его интересует, не понимают, что он другой, что все эти школьные предметы и оценки – ерунда на постном масле, а вот он

– Коля, он покажет, он докажет им, какой он, как умеет добиваться своих целей и т. д. С этими мыслями, обиженный плохими оценками и насмешками сверстников, мальчик засыпал каждый вечер. На другой день снова были неудачи в школе, снова тройки и двойки. Иногда он проглатывал слезы, собирал все силы в кулак, и выучивал все уроки, просиживая с папой до полуночи. Бедный Петр Иванович не высыпался, ему приходилось вставать очень рано, чтобы добратсья вовремя на работу, а с опозданиями на заводе было очень строго.

Правда, в начале года произошли приятные изменения – для трудящихся СССР была введена пятидневная рабочая неделя.

Колины проблемы не давали покоя Петру Ивановичу, почти все выходные он проводил с мальчиком. Его надо было срочно спасать. Исправление оценок шло по принципу: шаг вперед, два шага назад. Иногда математичка его просто неделями не вызывала к доске, поставив на нем крест. Биологичка Софья Валентиновна однажды на собрании откровенно призналась Колиной маме, что мальчик ей совершенно несимпатичен, на уроках отвлекается, на вопросы не отвечает. Учительница истории Галина Семеновна Большакова его просто терпеть не могла. Она думала о карьере, мечтала о месте директора, а такие как Коля, портили ей показатели. Николай начал подозревать, что она не любит учеников и не знает свой предмет. Часто у него возникали вопро-

сы, не связанные с текущим материалом, и он на перемене задавал их ей, и каждый раз был удивлен ее грубостью и откровенным нежеланием расходувать на него свое драгоценное время. Однажды он спросил у нее:

– Галина Семеновна, существовали скифы и кельты, и жили они почти в одно время, скажите, а в чем же было их различие?

– Оставь свои дурацкие вопросы, не приставай с ерундой, лучше учи уроки. Другой вопрос касался истоков возникновения таких персонажей, как Джон Буль и дядя Сэм. Его интересовали истоки, Коля видел этих героев в «Крокодиле» на картинках Бориса Ефимова, но смысл их был не совсем понятен. Разъяснений он так и не получил, нарвавшись на неприятный разговор в учительской, куда его за лацкан пиджака притащила Галина Семеновна.

– Какие еще Джоны Були? Ты еще задолжал письменную работу «Крестьянский бунт и Е.Пугачев» Чтобы завтра же сдал! Ты посмотри на свои оценки – она наклонила его голову к журналу – что, по-твоему, я должна выводить тебе за полугодие? Математичка, оказавшаяся на беду рядом, добавила: вот, все эти задачи по геометрии ты должен прорешать, не откладывая, прямо сегодня, завтра будет контрольная. Надо спасать положение, полугодие кончается, если еще будут двойки, я просто не знаю, что с тобой делать. Она была какой-то доброй старой знакомой Колиной бабушки, а бабушку ему очень не хотелось подводить. Он записал номе-

ра задач, и обещал выполнить. Глава от автора Современные российские писатели и писательницы, романисты и детективисты не любят писать о простых людях. Это скучно, интриг не завяжешь. Обыденное неинтересно. Их многостраничные труды – об успешных банкирах, застройщиках, мошенниках мирового класса, киллерах и главарях банд. Да, читатель такое любит. Ежели, сюжет слабоват и явно не тянет на приключенческий роман – его можно приукрасить “клубничкой” или, скажем, убийством. Это, так сказать, верняк, считай, интрига состоялась. Это как манная каша пополам с малиновым вареньем. Конечно, важно подать все так, чтобы читатель не ломал себе мозги междустрочным смыслом. Лучше, пусть он поддакивает автору, принимая безоговорочно его позицию, ведь именно такую точку зрения имеет и он сам.

Он считает себя компетентным во всем, и каждая строчка романа его все более убеждает в этом. Читателю перечить нельзя, это твой своеобразный электорат, который выберет раз и навсегда, если автор зацепил. Ежели, автору нужна Буковская премия или что-то более престижное – надо писать о России с определенного угла зрения, постоянно сверяя этот угол с позицией “свободного мира”. Хорошо идёт читиво про Сталина, Берию, Молотова.

Личные истории верховных жрецов приветствуются. Тут поле деятельности автора огромно, знай, поливай грязью и жди плодов своего труда – переводов на другие языки, боль-

ших тиражей. При этом доволен читатель, или нет, не так уж и важно – ваше произведение беспроектно.

Конечно, знаменитости должны участвовать, и в этой повести им отведено особое место, однако наш скромный герой в первую очередь сам по себе – примета времени, частичка массового самодеятельного движения.

Как уже понял читатель, он не отличается усердием и трудолюбием, ибо понятие «труд» включает в себя занятие вещами не совсем приятными и, подчас непростыми для понимания. А переключение на дела приятные и интересные – это, конечно, самая настоящая лень, и не более того. И что самое удивительное, эта штука двигает нас иногда неосознанно к самым удивительным свершениям. Коле трудно дается алгебра – он не может решить простые примеры, не наделав ошибок, он не склонен учить скучную историю российских восстаний и революций. Ему абсолютно плевать на уравнения реакций, на всякие там хромосомы и зиготы, мальчик бредит новой необычной музыкой, вторгшейся в его жизнь так неожиданно. Какая-то невиданная сила влечет его в неведомом направлении, и он не в состоянии справиться с этим.

Однако иногда в нем просыпается понимание необходимости выполнения рутины. Он садится за учебники, откладывая гитару, постоянно натываясь на задачи, которые не может решить, ибо знания его фрагментарны. Он начинает выкручиваться, лгать родителям и учителям, обещая улуч-

шить оценки. Что будет с ним дальше, остается только гадать.

Глава 8

К огромному удовольствию всей семьи до середины декабря свой гитарный проект Николай закончил. Изделие было отшлифовано наждачкой, отполировано и окрашено воюющей красной нитроэмалью. По поводу запахов краски и ацетона бабушка очень сильно негодовала. Когда с отделкой корпуса было покончено, Коля установил на него гриф от старой разбитой гитары, и звукосниматель, изготовленный из катушек реле и постоянных магнитов.

Анастасия Львовна, увидев плоды труда сына, театрально всплеснула руками:

– Ты создал каракатицу!

Каракатица только цветом напоминала Вовкину семерку...

Некрасивый черный гриф с протертыми латунными ладами, огромная черная коробка звукоснимателя. К сожалению, покраска тоже оставляла желать лучшего. Но, первый опыт и не мог быть удачным. Зато гитара имела правильный строй, а звукосниматель выдавал мощный звук. Петр Иванович, умевший играть на всем, что издавало какой-либо звук, придирчиво осмотрел инструмент, а затем показал Коле, как правильно зажимать струны ближе к ладам, затем научил его играть соло на одной струне. Это вовсе не было похоже на рачивание «березы». Мелодию из «Шербургских зонтиков»

Коля выучил быстро, и уверенно играл. Конечно, это было только начало, но тогда трудно было даже представить, во что это выльется.

Оставалось почти две недели. Учителя спасли свои показатели, а Коля превозмог себя, и сдал свои долги по алгебре и физике.

Теперь за полугодие по многим предметам в его дневнике красовались тройки.

Наступал Новый 1968 год...

Глава 9

Коля вставляет штеккер в гитару, включает усилитель в сеть. Едва заметное гудение динамика, говорит о готовности. Он плавно вводит громкость на гитаре. Вот аккорд «ля мажор», он перебирает струны, вот простой этюд, добавляем несколько нот, и играем арпеджио. Коля учится делать «подтяжки» и секунды с подтяжками. Это уже трудно, пальцы срываются, и звук получается нечетким. Когда гитара включена громко, малейшие огрехи звукоизвлечения заметны.

Он повторят этюд вновь и вновь, возвращается к разучиванию новых аккордов A7, A9.

Коля включает магнитофон, на ленте – Grand Funk Railroad, весьма плохая запись. Он пытается подобрать всю последовательность, получается не сразу, а когда что-то становится понятным, возникает проблема с техникой: просто невозможно так быстро переставить семь аккордов. Коля снова вникает в запись, повторяет музыкальную фразу в медленном темпе, потом быстрее, еще быстрее.

Он представляет, как бегают по грифу пальцы Фарнера⁶, как можно это воспроизвести?

Неожиданно решение само приходит. Вот оно, вот тот самый аккорд, просто он звучит здесь без первой струны. Да, именно так, а не иначе. А здесь просто добавляется одна но-

⁶ лидер группы “Grand Funk Railroad”

та на четвертой струне.

Коля чувствует себя раздавленным, его раздражает плохая запись, отсутствие школы и техники игры. Нет методики, он варится в собственном соку. Болят пальцы. Ничего, он справится с этим. Если надо, будет заниматься по десять, по одиннадцать часов в день.

Электрогитара в выключенном состоянии тихая, можно хоть всю ночь сидеть и отрабатывать ходы. Он прибавляет громкость, пробегается по всем этюдам. Скоро придет мама с работы, она приходит из больницы после трех дня. Тут уж не включишь громко. В коридоре звенит звонок, Коля кладет гитару на колонку, выключает звук и идет открывать матери дверь.

Глава 10

– Камень, в футбол с нами идешь играть? – тон Петрова не терпит возражений.

– Слушай, сейчас же немецкий. Я немецкий не прогуливаю.

– Вся твоя группа идет, а в нашей группе Антонина не пришла, заболела.

– А вы что, без меня никак?

– Без тебя, Камень, никак. Ты за кого будешь?

– За тебя, конечно, спрашиваешь тоже.

С Димкой Петровым он жил в одном доме и относился к нему если не с уважением, то с пониманием. Мальчик рос без отца. Он появился у них во втором классе, приехал с родителями из Германии, где служил в ГСВГ⁷ его отец. Недавно у родителей вышел какой-то разлад, и отец завел новую семью, оставив им с матерью и бабушкой трехкомнатную квартиру в хорошем доме в центре города. Бабка не захотела переезжать к его второй жене. Димка со всеми родственниками, старыми и новыми ладил нормально, старался помогать, а материной зарплатой, бабушкиной пенсии и отцовских алиментов им на жизнь хватало.

В школе Коля Каминский послушно отсиживал уроки, а уж если прогуливал что-то, то со всеми. Нередко это были

⁷ группа советских войск в Германии

походы на расположенную неподалеку "коробку" где они с Сашкой Сидоровым, Ивановым и Петровым, гоняли в футбол при любой погоде. Такие уж фамилии у них были – Иванов, Петров, Сидоров. Им здорово не повезло, что оказались в одном классе. Начиная классной руководительницей и кончая учителями-предметниками, на уроках все их обязательно упоминали в таком порядке, а уж по вызовам к доске эта троица поставила все рекорды. Кто-то из них, чтобы разорвать порочный круг, попытался перевестись в класс «А», но директор не позволил. А учились они неплохо, и Каминскому до них было далеко.

Нападающий из Коли был аховый, поэтому ставили его вратарем. Ворота на коробке были маленькими, и по условиям вратарь не имел права брать мяч в руки. Отбивать можно было только ногами или головой.

Они спускаются в раздевалку, берут пальто и куртки. Техничка тетя Паша хмурится:

– Это вы куда намылились, среди уроков?

– Теть Паш, окно у нас. Вот на труд придем.

– Врете, ведь, не придете, оглоеды, – тетя Паша берет швабру с ведром и, ворча, уходит мыть пол в столовой. Однажды с Петровым Коля поделился мыслями о рок-группе и Димка, будучи передовым парнем в области спорта и массовой культуры, поддержал его. Они нарисовали наброски афиш, где Nick стоял с гитарой, а Demon с микрофоном и все это называлось Nick & Demon.

– Дим, а ты видел в ГДР живьем рок-группы?

– Я маленький был, ничего не помню. По радио слышал много раз, но на концерты, конечно, меня никуда не водили. Вообще, эстрада у них убогая, занудная, как начнут петь про какие-нибудь дубовые листья, и раскачиваться на стульях! Тоска! А ты мою мать расспроси, они во “Фридрихштадтпалас”⁸ ходили пару раз с отцом. Вот там, говорят, интересные представления бывали. Иллюзионисты, иностранные группы, девчонки из балета, почти голые. Вот, будешь у нас, и расспроси.

– Ну, Димк, я стесняюсь твоей матери. А метро у них есть?

– Метро – так себе, по сравнению с московским, больше похоже на общественный туалет. Димка поморщился, – и станций немного – поезд отправляется со станции, а в динамиках над дверью: *zugueckbleiben!*⁹ – понял? Вагоны старые, двери – деревянные. А вообще там неплохо было жить, одежда и обувь отличные, продукты недорогие, а игрушки какие! Димка посерьезнел, – Слышь, Камень, отвали, давай, домашнее задание запишем. Он нравился Коле еще и потому, что никогда не врал, и ничего не приукрашивал. Другие уж такого бы напридумывали, а Петров никогда не выпендривался.

⁸ Дворец культуры в Восточном Берлине

⁹ Аналог русского «Двери закрываются!»

Глава 11

Как-то раз Николая послали на улицу Минина в гастроном за «Любительской» колбасой. У матери почему-то была привычка разные продукты покупать только в определенных магазинах. К примеру, если курицу она приобретала на улице Свердлова возле рынка, то говядину и колбасу – только под гостиницей «Россия». Рыбу, – конечно в «Рыбаке», а вот пирожные и торты – обязательно на Минина в хлебном. Все эти правила касались не только продуктов, но и всего остального от бельевых прищепок до обуви и мехов. Ничего удивительного в этом Коля не видел, обучаясь во Втором московском медицинском институте, мама долгое время прожила в столице у двоюродной сестры, а её московские родственники очень строго подходили к выбору магазинов. Он отлично помнил, как они гостили у Родионовых на Новопесчаной, и папа по неосторожности купил сосиски в каком-то магазине у метро «Сокол». Ну, купил, и купил, и нечего было говорить где. Так нет, же, ему обязательно надо было отчитаться. Тут такое началось! Мария Романовна была просто вне себя – там ни в коем случае нельзя покупать, у них все невкусное, а то и просроченное, а надо только в «Продуктах», которые чуть дальше за церковь, или уж в Елисейском. Петр Иванович, на что уж спокойный по обыкновению, и то побагровел и выбежал из комнаты. Он, конечно, не был вино-

ват, но почувствовал себя неудобно. Вообще, они хорошие, эти московские родственники, Колю любят и всегда приглашают пожить в каникулы. Они – люди, как говорит мама, – твердо стоящие на ногах. Мария Романовна, мамина двоюродная сестра – стоматолог в ведомственной поликлинике, а её муж, Борис Аркадьевич Родионов – редактор известного московского литературного журнала. Смысл выражения “твердо стоящие на ногах” Коле был непонятен, будто мама и папа у него не твердо стоят на ногах, а как-то по-другому.

Однажды, приехав к матери в Горький после окончания института, она познакомилась с Петром Каминским, будучи в гостях у общих знакомых. Петр оказался внимательным и очень даже приятным собеседником. Настя показалась ему очень привлекательной девушкой. На том вечере он даже немного поиграл на аккордеоне. Он аккомпанировал, а она пела разные модные песни. Они даже исполнили вдвоем «Сан-Луи блюз». Это было удивительно – Анастасия знала эту песню. Ее красота и удивительный голос пленили Петра. Потом они долго говорили о кино и театре, о Москве, о горьковских общих знакомых, и поздно ночью Каминский проводил её до дома на Гребешке. Настя жила вдвоем с матерью, отец ее давно умер. После того вечера они стали встречаться чаще, полюбили друг друга, и вскоре поженились.

Анастасия Львовна считает Москву своей второй родиной. Теперь они с папой вместе запросто приезжают к московским родственникам, а те с радостью их принимают. Ноч-

ной поезд позволяет на выходные стогнать в Москву и вернуться в понедельник на работу.

Однажды Коля целый месяц провел с мамой у Марии Романовны в гостях. Так уж получилось – в тот раз папе досталась от профкома путевка в Кисловодский санаторий, а сидеть в Горьком с Иваном Павловичем и Еленой Васильевной маме нисколько не хотелось.

– Давай, махнем в Москву – разгонять тоску, – что ты на это счет думаешь, Колюня? И бабушка с дедушкой от тебя отдохнут. Было жарко, они с мамой ели окрошку за кухонным столом у открытого окна. Когда папа уезжал в командировку, или в санаторий, мама почти ничего не готовила. Она вообще не очень-то любила и умела готовить разные хитрые блюда. Яичница и магазинные пельмени, во всяком случае, получались у нее отлично. Стоять у плиты полдня нет никакого смысла. Да и зачем – им с Колей, чтобы утолить голод, много не надо. Летние каникулы в самом разгаре, а он еще в городе! Деда запрягли принимать экзамены в училище, он уже точно никуда с ним не поедет, бабушка плохо себя чувствует, жалуется на головные боли. Он не часто оставался с мамой в последнее время, а сейчас был даже рад этому.

– А папа когда приедет?

– Не скоро еще. Мы ему напишем, чтобы он за нами в Москву прилетел. А мы с тобой на ВДНХ ходим, а еще я тебе Бородинскую панораму покажу! Я Москву как свои пять пальцев знаю. Вот ходим потом в «Современник» – хочу

посмотреть Татьяну Лаврову в «Обыкновенном чуде».

– А мы с дедушкой в Крыму в прошлом году Севастопольскую панораму видели. Это было здорово! Представляешь, как тогда под Балаклавой наши англичанам всыпали, наверное, до сих пор помнят! Мама купила билеты, вечером они собрали вещи, а утром на «Буревестнике» отправились в Москву. Мама никогда не брала с собой в Москву много вещей, вполне хватало одной большой сумки. Коле нравилось мамино легкое и веселое настроение, она отдыхала от тяжелой и ответственной работы, никто ее не мог вызвать ночью в больницу – поезд увозил их из Горького навстречу новым московским впечатлениям. И это состояние ее души передавалось ему – необыкновенное ощущение свободы от всего надоевшего, обыденного, радость дороги. Тетя Маша как всегда была им рада, малая гостевая комната их ждала. Из окна был виден двор с тополями, увешанными мохнатыми сережками, над кирпичным брандмауэром вдалеке просматривался купол церкви. Когда никто не гостил, в этой комнате Борис Аркадьевич работал над переводами, прочитывал рукописи. Тут он уединялся от всех в тишине, прятался от телефонных звонков, от звуков и запахов кухни, от шума воды, от добродушного ворчания тети Маши. Когда приходило вдохновение, он работал часами, мог просидеть всю ночь напролет, лишь иногда подбадривая себя чашкой кофе. Здесь на письменном столе стояла отличная пишущая машинка «Оливетти» с большим запасом писчей бумаги. Дядя

разрешал Коле попечатать, когда машинка была свободна от его трудов. Коле нравилось, что машинка очень четко пробивает каждую букву. У деда на работе старый «Underwood» работал грязно, иногда пропускал буквы и цифры. Чтобы была хоть какая-то польза, Николай старательно перепечатал написанное маминой рукой расписание поездов – Москва-Горький, Горький-Москва.

А еще в ту пору на западе появились шариковые авторучки, и Борис Аркадьевич из загранкомандировки специально для Коли привез две штуки – «Бик» и «Фабер». В классе только один Николай являлся обладателем этого чуда, все завидовали.

Мама заглянула в комнату племянника.

– А где Эдичка?

– Эдуард в Артеке. Отдыхает от нас. Отлично окончил восьмой класс.

– Молодец какой, как вы его одного отпускаете, я думаю, там такое творится в этом Артеке... Маша, я такое слышала об этом лагере – там всякие африканцы, индусы, я бы Кольку ни за что не отправила!

– Эдичка у нас серьезный и самостоятельный парень. Рассуждает как взрослый, сама пугаюсь. Всю нашу библиотеку уже перечитал, представляешь? И Вольтера и Апулея. И уже в подлиннике Хемингуэя с собой взял. По-английски свободно лопочет. Да и в Артеке он уже во второй раз. Там практикуется с ребятами в языке, пишет, что все хорошо, толь-

ко по маминой еде соскучился, – Мария Романовна тяжело вздохнула – он ведь у нас весь в папашу, того гляди, журналистом станет – в МГИМО¹⁰ собирается. Мама всплеснула руками:

– Ведь, конкурс, какой, все туда стремятся!

– Да, может, еще передумает, ведь только восьмой класс. Да что это я, вы ведь с дороги, давай, Настя, на стол накрывать. Боря скоро придет, он уже знает, что вы приехали. Давай, по рюмашке махнем, за встречу! Она извлекла из буфета красивую бутылку с надписью “Armagnak”¹¹ и два пузатых бокала. В Москве можно купить все: вкусное московское мороженое, апельсины, сок манго, красивую импортную одежду и обувь, игрушки, разные интересные книги, а в Горьком совсем не то снабжение, и Колин папа иногда сердится на маму за московскую «разборчивость» в покупках, которая обходится, как он говорит, «в копеечку». Если они ссорятся, он в этом контексте употребляет слово “спесь”.

– Я себя похоронила в городе Горьком! – заявляет в таких случаях мама, и два дня с папой не разговаривает. Будто она сама не горьковская, и как говорит папа, “не гребешковская”. Но это случается не часто. На самом деле она Петра Ивановича и Колю очень любит, и против родного Горького ничего не имеет. Заворачивая с площади на улицу Мина и размышляя обо всем этом, Коля услышал мощные

¹⁰ Московский государственный институт международных отношений

¹¹ крепкий спиртовой напиток, подвид бренди.

тягучие гитарные звуки. Они доносились от кинотеатра, и он даже подумал, что где-то идет концерт. Забыв о колбасе, он в невероятном возбуждении прошел мимо гастронома и остановился напротив того дома, откуда исходил звук. Был замечательный летний день, цвели липы, солнце уже стояло где-то над Кремлем. В старом желтом кирпичном доме широкое окно было распахнуто настежь, в нем виднелся большой ламповый приемник.

Шесть ламповых ватт радиолы доносили до самой площади чистейшие гитарные соло.

Один из музыкантов выглянул из окна, и выбросил сигарету. Коля тут же узнал его, он частенько видел его с девушкой на площади Минина. И ребят из его компании он тоже знал, встречался с ними на коробке не раз. Да, это были Мельников и Антошин, жившие на улице Минина, а с ними какой-то толстый коротышка.

После небольшого перерыва они исполнили «Apache»¹² и еще что-то знакомое. До этого Николай слышал «Апачи» только на пластинке «Поющих гитар». Чистота исполнения и техничность гитариста этой самодеятельной команды поразила юношу до глубины души.

Невозможно было поверить, что простая гитара со звуко-снимателем выдает такой изумительно правильный звук. Коля стоял и слушал еще несколько минут в забытьи, потом музыка прекратилась. Озираясь, во двор снова выглянул Анто-

¹² композиция из репертуара группы “The Shadows”

шин, выбросил очередной окурок, плюнул вслед, и с грохотом захлопнул окно.

Он вернулся в тот день без колбасы, отвлекшись на этот необычный концерт, просто не успел, – «Любительская» в продаже закончилась.

Глава 12

Прошел еще год. Совершенно неожиданно для себя Николай обнаружил, что в школе у него есть единомышленники, причем, во многом опережающие его. Каминский учился в классе “Б”, а Буров, Анисимов и Мединский – в параллельном”А”. Буров был абсолютным отличником, остальные учились без троек. В седьмом-девятом классах школа проводила совместные уроки. В основном, это были уроки немецкого языка, или же какие-то предметы на немецком языке. В тот день состоялся совместный урок по астрономии. Группы состояли из учеников “А” и “Б”. Так получилось, что сидели по трое за партами и рядом с Николаем пристроились Саша Буров и Миша Анисимов. Урок оказался неинтересным, пока учитель настраивал диапроектор, все болтали, галдели.

Анисимов чертил на клочке бумаги какую-то схему на двух транзисторах.

– Это что будет? – спросил Каминский.

– Схема бустера¹³ на двух транзисторах. Он усиливает звук гитары, и обогащает его. Ребята сразу же разговорились с Колей, и, узнав в нем гитариста-любителя, обрадовались этому.

– Николай, ты завтра что делаешь? – спросил Анисимов.

– Да, ничего. У моих родителей дачи нет, дома буду си-

¹³ fuzz, booster, wow – здесь: электронные эффекты для гитары.

деть, – вздохнул Коля.

– А родители Бурова уедут в деревню. Приходи к десяти – посмотришь, как мы репетируем...

Все это происходило у Сашки дома. В комнате-фонарике, единственным окном выходящей на улицу Минина, на высоких точеных ножках возвышалась колонка Электрон-10, а у стены стояли настоящая немецкая «Этерна» и еще пара самодельных гитар. Коля просто умирал от любопытства, разглядывая это богатство. Сергей Мединский подошел позднее, и очень долго возился с настройкой своего инструмента.

– Ну вот, вроде я и готов, сказал он, подстроив самую толстую струну.

– Начнем, благословясь? – Буров вставил джек под брюхом Этерны, подхватил струны медиатором, усилитель вздрогнул, качнувшись на ножках. Они заиграли мелодию «Black Dog» из «Led Zeppelin». Композиция была упрощена до инструментовки. Однако, здесь ребята использовали новый необычный звук, и это было здорово. Пускай, не похоже на оригинал, но отлично! Буровская «Этерна» была включена через блок эффектов. Анисимов четко держал ритм, и быстро переставлял аккорды, бас Мединского вторил им, – громкость звука в маленькой комнате прибавилась до максимума!

Они сыграли еще отрывок какой-то песни, но микрофонов не было, и слов он не разобрал. – А это что еще? – поинтересовался Коля. Ритм композиции был энергичным.

– «Indiana Want's Me»¹⁴ – Буров поправил очки – по Голосу Америки передавали, хорошая песня, нам сразу понравилась. Не знаю, кто исполняет, но очень популярна.

– Да-а, здорово! А как соседи, – спросил он – не жалуются?

– Ха! Верхние соседи отвалили на дачу, а внизу – офис Горгаза, сегодня у них выходной.

– А можно попробовать? Буров снял с себя «Этерну»

– Ух, ты, какие струны. Чтоб я сдох! Они полированные!

– Это «Malaguena». Были в комплекте с гитарой, 11-ый номер. Каминский взял аккорд, баррэ прижало почти без усилий. Он пробежался по гамме, потянул вибрато. Далее заиграл «Because»¹⁵, арпеджио звучало исключительно четко! Он не узнавал своего собственного звукоизвлечения, словно инструмент играл сам за него. Ровные лады из белого металла сияли, пальцы легко летали по ним.

– Вот, когда мне ее купили, я тоже долго не мог прийти в себя от этого чудесного ощущения – Буров взял у Коли гитару и уложил ее в бархатный чехол, – а потом понял, это только самое начало, ведь я почти ничего не умею. Коля задумался над этими словами: великие музыканты начинали лет с четырех-пяти, а им уже по четырнадцать – пятнадцать. Но все это было с ними, а разве десять лет назад существовала такая возможность? Все начиналось только сейчас.

¹⁴ композиция американского певца Дина Тэйлора.

¹⁵ Композиция группы «The Beatles»

Чувство зависти отступало, он был искренне рад, что теперь не один!

Глава 13

Это ещё в восьмом классе случилось.

Петров принес в школу пистолет. Он, конечно, не размахивал им в школе, но Кольке все же показал. Это был маленький блестящий “вальтер” двадцать второго калибра.

– Пойдем, постреляем после уроков?

– Мы же в футбол хотели.

– Потом в футбол. Да у меня и патронов то мало.

– Куда пойдем?

– На площадку. Можно в детском садике, там как раз никого в это время.

– Ты чего, – Колька повертел пальцем у лба. Там из окон домов все видно, и наши там все будут.

– Да, не бойсь, он же вроде как игрушечный, маленький такой, никто даже внимания не обратит, вроде, как с пистонами в войнушку играем. Петров с детства привык к оружию, в Германии на полигоне из АК-47 и ППШ по мишеням стрелял. Папа все ему разрешал, научил чистить и заряжать оружие. После уроков они раньше всех отправились через проходной двор к детскому садiku за консерваторией. Была там, у кочегарки глухая железная дверь из толстого стального листа. Они перелезли через забор, и оказались на месте.

– Вот, отличное место, Колек, давай, ты первый. Он еще

раз глянул вокруг, нет ли кого поблизости, снял вальтер с предохранителя, – видишь – никого! Только целься прямо в дверь, посмотрим потом, какая вмятина будет.

– Димк, а точно он не пробьет ее насквозь?

– Мамой клянусь, не пробьет. Он протянул Кошке пистолетик. Коля прицелился, и нажал спусковой крючок. Сноп пламени вырвался из дула, и раздался страшный грохот. Инстинктивно, Николай спрятал оружие в карман, и отошел к коробке, где ребята обычно играли в футбол. Только ребята бросили игру и оглядывались испуганно, пытаясь понять, что это так бабахнуло.

Димка спокойно подошел сзади.

– Не оборачивайся. Тихонько валим отсюда.

Они зашли в коробку, а потом пролезли в дыру с другой стороны.

– Бежим, – шепнул Петров.

Что есть мочи, они рванули через площадь Минина, и потерялись среди прохожих около Кремля.

– А что это так грохнуло, вроде калибр маленький, а пламя, какое было!?

– Я его чистил, вообще, только давно. Ты не потерял, пока бежали?

– Ты зачем мне его подсунул? Его разорвать могло в руках, хотел на мне попробовать, гад?

И на кой ляд мы так бежали, у меня уже вся дыхалка кончилась.

– Когда ты выстрелил, на грохот кто-то вышел из кочегарки. Я услышал как ключами в этой железной двери гремят, и тут же отошел в сторону. А потом смотрю, эта самая дверь открывается, и мент выходит! Что он в кочегарке делал, хрен его знает, похоже, выпивал с кем-то. И мент не участковый, вроде гаишник, лейтеха. На всякий случай, я его разглядывать не стал, и рванул оттуда.

– Димка, я больше в такие игры не играю.

– Ой, струсил. Давай сюда “вальтер”. Ну, и, пожалуйста, никто не заставлял насильно. Я и без тебя постреляю.

– И кто из нас струсил? Кто первым побоялся стрельнуть? Димка обиделся, но ничего больше не сказал, ссориться не хотел. Колька, все же сосед по дому. И понять его можно, напугался с непривычки.

– Ладно, Коль, завязывай. Давай после экзаменов отметим начало каникул пивком? Место есть отличное, никаких родителей, до вечера посидим! Я угощаю.

Он так настойчиво уговаривал, что отказываться казалось неприличным.

– Уговорил. Только после экзаменов.

После сдачи последнего экзамена договорились встретиться у Дмитровской башни.

Последним шел русский язык. Кое-как Николай и его сдал на троечку. Общие результаты не радовали, но учитывая то, что юноша проболел всю весну, его можно было простить. У Петрова все выглядело лучше, даже русский он сдал на

“четыре”.

Он подошел Николаю, ожидавшему его уже более двадцати минут, у него на плече болталась тяжелая спортивная сумка.

– Вот, все закупил, что надо. Будешь доволен! Они прошли через арку Дмитровской башни.

– Димка, мы куда идем? В самое людное место в городе?

– Не бойсь, мы сейчас в комендатуру. У меня там все схвачено, сегодня Борисыч дежурит, а после обеда он всегда отдыхает, ему еще всю ночь тут за порядком в части следить.

Они прошли в желтое здание, там, на КПП Димке вообще никто вопросов не задал, как по маслу просочились, далее прошли сквозь пустую казарму и оказались перед дверью кладовки.

– Это что, кладовка? Колька не переставал удивляться.

– Это у военных называется каптерка. Тут обмундирование, белье, и всякий хлам хранят.

Он постучал секретным кодом. Дверь сразу же открылась, в маленькой комнатке их ждали двое солдат.

Окон в помещении не было, а мебель состояла из нескольких старых облезлых шкафов с инвентарными номерами в виде алюминиевых бирок, стола и прямоугольного зеркала над ним, с потолка свисала лампочка на проводе, освещающая пространство тусклым сорокаваттным светом.

– Димок, давай скорее, душа горит! – сказал один из служивых, раскрывая молнию на сумке, и выставя содержимое.

мое на стол.

– О, вобла, это я люблю. К пиву, то, что надо, Николай оживился. День стоял жаркий, пить очень хотелось, а еще он прождал Димку двадцать минут на солнцепеке.

– Ленинградское, из холодильника. Вот, тут еще беляши есть, мама нажарила.

Димкина мама готовила отменные беляши и чебуреки!

Пили из больших кружек. Служивый, которого звали Лёша, щедро добавлял всем в пиво водки.

– Ты, давай, Семеныч, не торопи события, пива у нас еще много, а водка скоро кончится. Первую кружку Коля опорожнил залпом, так пить хотелось, вторую поставил на стол, и занялся чисткой воблы. Она была отменная, жирная, с икрой!

– Ну, поехали по второй. Как говорится, посторонись душа, а то оболью! – Леша опрокинул вторую кружку, и крикнул, – хорошо пошла! Коля начал тянуть вторую кружку, но уже заметил, что в голове какой-то туман. Когда вторая приближалась к завершению, он заметил, что его отражение в зеркале начало двоиться. Он закусил беляшом, и допил. Больше не лезло.

– Димк, а меня выпустят на КПП? Мне домой пора, слушай... времени уже мноо...го. Язык заплетался.

– А мы еще начали только, – с удивлением в голосе сказал Семеныч. Еще и водочка есть. Ну, ежели пошел, тогда положено на посошок.

– Это как? – тут Николая качнуло. Семеныч плеснул на дно кружки чуть-чуть водки.

– Посошок, отказываться нельзя. Коля махнул залпом водку, вытер губы рукавом школьного пиджака, и беспокойно глянул в зеркало. На него уже смотрели четыре лица, сдвинутых друг относительно друга на несколько сантиметров. Ни слова не говоря, схватил свой портфель и вышел за дверь. Придерживаясь параллелей, образованных досками пола он добрался до КПП и вышел на улицу. Жара уже спадала. Выйдя из Дмитровской башни, Николай посмотрел направо и налево. Справа на посту милиции маячила фигура милиционера, и Каминский выбрал направление в сторону откоса. Он успешно добрался до двора дома номер один по Минина, прошел его и увидел родную футбольную площадку! На ней по левому краю рос американский клен, отбрасывая прохладную тень. Здесь. За бортом площадки его никто не увидит из окон. Николай присел под дерево на остатки травы, а потом, положив портфель под голову, прилег, и ментально заснул.

Глава 14

Впереди замаячили каникулы, Петру Ивановичу выделили на работе льготные путевки на базу отдыха в исследовательском институте, в котором он теперь работал старшим научным сотрудником. Анастасия Львовна планировала провести свой отпуск Крыму, и это предложение ее не очень радовало. Ей вовсе не хотелось купаться в Волге или холодных лесных реках, юг выглядел привлекательней. А Коля не хотел в Крым, с бабушкой и дедушкой он несколько раз там уже побывал, и этот отдых каждый раз оказывался для них трудным. Поезд, чемоданы, плохой сон. Поиск свободного жилья, отсутствие элементарных удобств, вечные очереди в столовую, плохая еда, пляж из острых камней, грязное море, давка в душном транспорте. Автобус его организм совершенно не переносил. Конечно, были и свои плюсы – красота моря, дворцы Ялты, Алупки, Фиолент, изумительный Херсонес, Генуэзская крепость. Нет, только не Крым, в Крым он еще долго не захочет. Петр Иванович выслушал все доводы, и заявил:

– Турбаза отличная. Домики в лесу, комары, удобства на улице, баня по субботам. Столовая в две смены, без очереди, питание – просто на убой. Рыбная ловля, грибы, ягоды, лес, а воздух какой! Он сделал внушительную паузу, будто вытягивал воображаемый воздух, – река, лодочная станция, –

это я обещаю, – и, что еще немаловажно, – автобус до места! И от города ехать не более трех часов.

Воцарилась небольшая пауза. Комары и удобства как-то настораживали, но все остальное было очень заманчиво. Коля очень любил собирать грибы.

– А клев будет? – спросил он.

– Клев будет такой, что ты о «Поющих гитарах забудешь»! Тут они все покатались со смеху, вспомнив веселый фильм с Мироновым и Никулиным.

– У меня есть одно условие, – сказала Анастасия Львовна, – полевые и лесные цветы ежедневно у нас в комнате. Петр – ты ответственный за цветы!

– Раз уж заговорили о гитарах – родители, когда вы мне гитару купите, самую простую, хотя бы, за семь пятьдесят?¹⁶ – вставил Коля, – я бы мог её с собой на турбазу взять. На турбазе как без гитары? Я цветы буду собирать.

– Ах ты, подлиза! – мама задорно смеялась, глядя на любимого сыночка. Петр Иванович поскреб в затылке. Стоимость его не пугала, а вот где ее взять? Он представил себя, как он гребёт на лодке, рассекая просторы озера, а Колька сидит на баке и поет «Сумерки» и это разносится по водной глади.

– Хорошо, – решил Петр Иванович, – согласен. Но и я тогда беру с собой аккордеон!

¹⁶ в продаже бывали гитары за 7 руб. 50 коп. и за 9 руб. 50 коп.

Глава 15

Через некоторое время, разобрав каракатицу на запчасти, Коля построил свою следующую гитару. На ней можно было исполнять соло и аккомпанемент и в широких пределах изменять характер звука с помощью переключателей конденсаторов и датчиков сигнала.

Многие секреты электрогитар были недоступны, до всего приходилось доходить своим умом. В качестве звукоснимателей использовались катушки от микрореле, включенные параллельно и последовательно. Некоторые тембры этой гитары были просто находкой.

Дед выпросил для Николая в кинопрокате старый ламповый усилитель «Кинап». Коля подключил его к самодельной колонке с большим динамиком, и, когда родители отсутствовали, упражнялся в импровизациях, включая агрегат на полную громкость.

Ребята приходили к нему поглазеть на новую гитару и послушать, как он играет.

Однажды Маркин после школы позвал Колю сыграть в карты.

– Марк, ты же знаешь, в карты мне не везет, да и денег нет. Вот, последние два рубля остались, это мне бабушка на неделю дала, на мороженое. Может, лучше на гитарах сыграем?

– У меня целых пятнадцать рублей! Ну, давай, в трясучку тогда – ну, чем ты рискуешь? Двумя рублями? Тьфу!

– Ты мертвого уговоришь. К тебе пойдём? Они отправились к Маркину. Его дом стоял напротив политеха во дворе и числился по улице Провиантской. Это название у одноклассников вызывало смех, в связи с тем, как выглядел Маркин. Частенько дразнили его «жиртрестом», или «толстым». Марконя обижался, но избавиться от лишних килограммов почему-то никак не получалось. Они поднялись на самый верхний этаж, и встретили на площадке его младшего брата – Сережку. Он подозрительно покосился на Каминского:

– Опять играть будете? Вы бы завязали с этим! Не вздумай мои новые ракетки проиграть! Лучше бы ты в какуюнибудь спортивную секцию записался, и тебе бы польза была и мне дешевле. Мама мне дала пятерку, а этот говнюк просадил ее кому-то!

– Никакую твою пятерку я не просадил, оправдывался Вовка – сам её потерял, а на меня бочку катишь – он перегнулся через перила, и погрозил пухлым кулаком брату, – скажешь матери, – башку отверну!

Сережка пробурчал еще что-то, и поскакал через ступеньку вниз по лестнице. Их мать возглавляла партком мясокомбината на Ковалихе, а отец давно с ними не жил. Злые языки поговаривали, что он сидит в тюрьме, но Вовка упорно отмалчивался по этому поводу, а если кто-то приставал с глу-

пыми вопросами, мог и врезать. У Ангелины Викторовны Маркиной везде были связи, достать она могла все, что угодно. Различные дефицитные продукты в их семье не переводились. Оба ее сына прекрасно одевались, и всегда имели карманные деньги, несмотря на то, что учились еще хуже, чем Каминский. Коля же стеснялся лишний рубль спросить у матери, если не было серьезных оснований. Они вошли в прихожую.

– Бери тапки, заползай, – Маркин повесил их куртки на вешалку, – не стесняйся, чувствуй себя как дома. Потом провел его в маленькую кухню, где он достал из большого финского холодильника, до отказа заполненного продуктами, колбасу, сыр, батон, и сделал несколько бутербродов. Оба они после школы сильно проголодались. Колбаса была упоительная, языковая, нежно-розовая с тонким жирком по краям. В гастрономе под “Россией” такой не водилось. Запивали настоем чайного гриба, который жил у Маркина в огромной банке на подоконнике. Он как осьминог распустил в воде щупальца, и казался Кольке пришельцем из космоса. Плотно перекусив, они направились в Вовкину комнату. Тут у него располагались шкаф для одежды, никелированная кровать и письменный стол. Большую часть стола занимал дорогой трехскоростной магнитофон “Комета”. Рядом стоял хохломской стаканчик для карандашей, лежали две тетрадки и учебник географии.

– Вот, только вчера переписал у Сережки Лебеда. Он

включил «Комету», катушки закрутились. Звякнул колокол, и Джон Леннон запел "Mother", запись звучала чисто.

– Вторая копия, что ли, дашь послушать?

– Вот наслушаюсь и дам. Маркин был еще тот собственник. Они расположились за столом. Вовка достал из глубин шкафа молочную бутылку с мелочью.

– Ни фига, себе, ты накопил! Тут же килограмм мелочи!

– Тут больше килограмма, но скоро будет еще на два рубля больше, самоуверенно заявил хозяин, – мне везет, я сегодня еще полтинник у Чука вытряс. Он с трудом залез в карман очень облегающих его тучный зад брюк, вытащил оттуда полтинник, и отправил в свой “Форт Нокс”.

– Когда успел? В школе же нельзя!

– Фигня, прямо на истории и тряхнули. Там такой гвалт стоял, хрен бы кто чего услышал! А Большаковой все пофигу. Надо это на уроках делать, никто не смотрит.

– А я удивился, чего это ты с Чуком уселся на истории. Ну-ну.

– Что “ну-ну”? – передразнил Вовка, – деньги доставай! Поставили по гривеннику. Монеты сразу же отправились в молочную бутылку, потом еще по пятаку, да по трёшнику. У Каминского оставалось еще рубль и два гривенника, когда вдруг ему попёрло. Перевернули катушку на магнитофоне, заиграл «Abbey Road»¹⁷. Под «Come together» уже три рубля были на стороне Николая, а под “Серебряные молоточки”

¹⁷ альбом группы “The Beatles” 1969 г.

уже пять. Маркин с ужасом смотрел, как бутылка пустеет. В этой дурацкой игре не надо было думать, считать карты, тут главенствовал фактор везения и более ничего.

– Камень, тебе везёт по страшной силе. Давай перекурим, и продолжим.

– Кому-то везет в любви, кому-то в трясучку. Как скажешь, может, хватит играть?

– Ну как же, так я тебя и отпустил с десятью рублями. Ща отыграюсь, вот увидишь. С мрачным выражением на лице он отправился на балкон, захватив сигареты и подарок отца – сверкающую зажигалку Zippo.

Через час Николай выгреб почти все содержимое бутылки. Последние два гривенника ожесточенно сопротивлялись в руках соперника, но это был лишь вопрос нескольких минут. А потом Николай поднял бутылку, и потряс:

– Помнишь, как сказал Долохов, – пуста! Просмотр «Войны и мира» произвел на Колю огромное впечатление, а вот Маркин, вроде весь фильм от начала до конца проспал. За окном темнело, домашние задания не делались, время неумолимо утекало.

– Давай на Zippo! – завопил Марк в отчаянии.

– Нет, это же подарок твоего отца. Я не буду играть на нее. На кой мне она, если я не курю?

– Слушай, она стоит кучу денег, всегда продать можно, давай!

– Даже не уговаривай. Лучше отдай мне бутылку. Куда

деньги девать, все карманы оторвут! Домой Колька возвращался измотанный, но в приподнятом настроении и с тяжеленным портфелем. Дверь ему открыл отец в кухонном фартуке с пачкой смерзшихся в монолит пельменей в руке.

– Ты что, как поздно? У Маркина был? Ты голодный?

– А мама где? А где остальные?

– В театр ушли на премьеру, а я сам только пришел с работы, а дома и еды никакой, кроме магазинных пельменей. Тебе сколько штук варить?

Глава 16

Анастасия Львовна склонилась над сыном.

– Коля, Коленька, что с тобой, проснись. Петя, что делать, что делать? Но ведь он не пьян!

Что с ним?

– Вчера я встретил его, он сидел во дворе на лавочке, будто пытался встать на ноги и протянуть мне руку, но у него только хватило сил разогнуть указательный палец. Потом он начал падать и я отнес его домой, в кровать. Ты же врач, должна все знать... Петр Иванович вытер пот со лба. Он был выдержанным и терпеливым, но состояние сына, не приходившего в себя уже сутки, очень волновало его.

– Да, милый, ты уже говорил мне. Но, все так странно, я бы еще поняла, если бы он выпил, и отравился, а он спит и температура 38. Сердце еле прослушивается. Она ходила из угла в угол, пытаясь собраться с мыслями, потом принесла справочник по фармакологии, и стала лихорадочно листать его.

– Он принял что-то, я чувствую. Все это очень похоже на передозировку какого-то препарата. Она начала трясти Колю, потом легонько потрепала его за щеки, за уши – все было бесполезно. Через некоторое время Коля повернулся на другой бок, будто свет мешал ему, потом громко всхрапнул. Его тонзилитный нос во сне редко нормально дышал, и сейчас он

тоже спал с открытым ртом. Эти движения как-то успокоили Анастасию Львовну. В дверях появилась бабушка с тазиком уксусного раствора для снятия жара, но мама показала ей жестами, что это излишне. Днем раньше. Коля выключил паяльник, и положил очередную только что начатую печатную плату на полочку рядом с осциллографом, в понедельник он набьет ее деталями, а сейчас пора в ДОСААФ. Он уже с февраля посещал курсы радиолокации по направлению от военкомата, который имел на Колю вполне серьезные виды – по достижении 18 лет он должен был отправиться служить в армию, если, конечно, не случится чудо, и он не поступит в институт.

Он занимался и тут и там, ходил по выходным к репетитору по математике, решал задачи по физике и геометрии. Анисимов, Буров и Мединский – те легко поступили в университет, а вот он...

Он снял синий халат, попрощался со своим начальником – Максом.

– Максим Васильевич, до свидания, хороших выходных. Как семнадцатилетний он имел право уходить с работы на час раньше, правда, радости мало, надо успеть перекусить и бежать на трамвай. На дворе стоял июнь, по улицам мчалась поземка тополиного пуха, жара такая, что впору купаться, загорать, а не тратить время на какие-то дурацкие курсы радиолокации. Преподаватель школы ДОСААФ Семен Николаевич Пох любил дисциплину. Опоздания у него приравни-

вались к побегу, к саботажу, к антигосударственной деятельности. За здорово живешь можно было схлопотать дополнительную отработку. Опоздал на час отсиди два. Это был хмурый высокий мужчина с лицом землистого цвета. Растительность на его голове почти совсем отсутствовала, зато из растегнутого ворота рубашки буйно лезли седые волосы. Жара давала о себе знать, и преподавателю радиолокации очень хотелось быстрее разделаться с треклятыми занятиями. Дома в холодильнике его ждали три бутылки жигулевского и четверка белой, и это было бы чертовски хорошим окончанием рабочей недели. Он вышел во двор покурить, пока ребята собирались в аудитории. Коля на этот раз не опоздал, трамвай номер один довольно быстро доставил его на Советскую, прямо к Дому Книги. Напротив, в маленьком полуподвальном помещении располагалась школа. Николай перешел улицу и открыл дверь с надписью «здесь ДОСААФ».

В зале уже сидело несколько парней за партами, они дурачились. Это были весьма разные ребята, но объединяли их место проживания – Нижегородский район и возраст, близкий к призывному.

Коля уселся на свое место. За ним в следующем ряду расположился лохматый и угреватый тип – «Король», то есть Леша Корольков. С первого раза в медицинский институт Король поступить не смог. Сейчас он трудился в психбригаде при одном из диспансеров. Он частенько рассказывал Коле про свою работу, как они выезжают на разные случаи, как

«упаковывают» буйных сумасшедших и т. д. Любил и при-
врать про свои подвиги, не без этого.

Пох нервно курил у входной двери, и поглядывал на часы.

Коля достал из портфеля письмо от Нади с фотокарточ-
кой. С Надей он познакомился еще зимой, когда они на 18-
ом автобусе по субботам ездили играть на танцы в затон им.

Жданова. Он видел ее в клубе с затонскими ребятами, а в автобусе она сама заметила его, и они разговорились. Коля неожиданно для себя вдруг увлекся этой девочкой. Она была невысокого роста, довольно симпатичная на мордашку, но не красавица. Наденька училась в радиотехникуме, и Коля, пытаясь поговорить с ней о схемах и радиотехнике, быстро понял, что Надю кроме танцев, гулянок и вечеринок, очень мало что интересует. В том году приезжали “Песняры”, выступали во Дворце Спорта и дед достал Коле два билета. Они вместе с Надей с удовольствием посмотрели этот концерт, там прозвучали самые новые песни белорусского ВИА.

После несколько дней они не встречались, и она написала ему письмо, которое он утром вынул из ящика, и не открывал на работе, а решил прочесть перед уроком в спокойной обстановке. Он распечатал конверт, в нем лежали наполовину исписанный тетрадный лист и Надино фото. На нем она была заснята во время Первомайской демонстрации на фоне Кремля. Фотография, неосторожно оставленная на парте, заинтересовала Короля. Он перегнулся через Николая, и мгновенно схватил ее:

– Ой, да кто это тут у нас?

– Это моя подружка, Король, вертай фотографию!

– Нет, Колёк, пляши, тогда верну.

– Ну, ладно тебе, давай ее сюда. Король еще пуще глумился, – как зовут подружку? А-а, Надя. Значит, Надин и Николая? Смог таки, через парту прочесть на письме, сволочь.

– Наденька у тебя пухленькая как пирожок. А ты пирожок как употребляешь, сверху или снизу? Он гнусно хохотнул, чем привлек внимание прибывающих учеников. Коля изловчился, и выхватил у него фото одной рукой, а другой тут же двинул Короля в грудь, так, что тот с треском приземлился на стул.

– Ну, ты того, уже перегнул палку, может, выйдем, поговорим? Но Король не проявил желания куда-то выходить, да и не мог, так как учащиеся уже заблокировали его с двух сторон в тесном ряду.

– Ладно, хрен с тобой, живи. Тебе повезло, дураку, что занятия начинаются. Колька убрал в портфель конверт. Пох уже повесил диаграммы на стену, и вооружился указкой.

– Призывники – тишина, возвал к порядку Семен Николаевич, и шарахнул указкой по столу. Какое-то время они сидели и слушали, потом, когда пошли скучные описания однотипных каскадов усиления, Николай заерзал на стуле. Джинсы прилипли к потному телу, было очень жарко и душно, хотелось пить, неудержимо клонило в сон. Остальные ребята тоже откровенно зевали. Кто-то читал книжку, кто-то

на заднем ряду спал, скрестив руки и положив на них голову. Поху надоело постоянно дубасить указкой по столу, и одергивать курсантов, и он объявил перекур.

– Ну, Колёк, ты чего, обиделся? – Король подвалил к нему, дымя папиросой, – мир?

– Да, ладно, я на таких как ты не обижаюсь, – сказал Коля, но отодвинулся от Короля.

– У меня сегодня день трудный был, вот я и завелся. Психи достали. Одного доставляли в «Июльские дни», так он, гад, зубной щеткой пытался моему напарнику глаз проткнуть, пока мы его пеленали в рубашку. Я вкатил ему укол, а он забился в истерике. И пока лекарство не подействовало, головой пытался стену в «рафике» пробить, ну, так это днем произошло, а ночью кое-что и похуже случилось. Он перешел на шепот:

– Две девахи вольтанутые поймали бездомного старика на улице, затащили в заброшенный дом на Ямской. Загнали ему в член карандаш и давай насиловать по очереди. Бедный орал, что есть мочи, звал на помощь, но они трусами ему рот заткнули. Скорая приехала, да поздно – дедок кедами щелкнул.

– Это как? – Коля недоуменно поглядел на рассказчика.

– Ну, окочурился, в общем, старикан, понял? А девки пытались его в чувство привести, да напрасно. Поздняк уже был метаться.

– А вы их чем, того, успокаиваете? – поинтересовался Ни-

колай.

– Транквилизаторы колем, аминазин даем. Хочешь попробовать? – он порылся в кармане засаленного пиджака, и извлек алюминиевый флакон с пробкой на резьбе.

– У деда в таком валидол хранится, я точно помню. Как на работе чего случится, он его тут же положит под язык, рассосёт, и порядок. И действительно, флакон был из-под валидола. Алексей отвернул пробку, и высыпал Николаю на ладонь несколько розовых драже.

– Это вещь, – сказал он, преисполненный гордости от обладания удивительным препаратом, – аминазин. Если принять две – три штуки, а лучше пять – наступает отличный кайф, точь- в-точь, как от бутылки водки. Настроение поднимается изумительно – все тебе пофиг делается.

– Врешь, вы же его больным даете! Коля недоверчиво поглядывал на драже. Разыгрываешь меня, небось, простые витаминки в драже?

– А ты попробуй. Кайф роскошный, мягкий – проходит быстро, сейчас принял – к вечеру как огурчик. Витаминки непростые – балдежные!

Коля взял один шарик и стал рассасывать без энтузиазма. На вкус – обычный витамин.

– Ну, давай, что ли пару на пробу. Проглотил один, другой. Прозвенел звонок, Пох загнал ребят в класс, на этот раз Корольков уселся по правую руку от Николая.

– Лично я ни в какую армию не собираюсь. Хрен им, не ар-

мия. Поступлю в медицинский, на педиатрический. Не вечно же за психами гоняться.

– Да, и я надеюсь в Политех поступить. Зря, что ли полгода математикой с репетитором занимался. Знаешь, я уже ей сыт по горло.

– А ты на какой факультет собрался?

– Да, не знаю пока, честно признался Коля. Куда конкурс поменьше будет. Да мне все равно, лишь бы не в армию.

Они просидели на уроке минут десять-пятнадцать, а потом Король спросил:

– Ну как, Колёк, есть кайф? Коля чувствовал себя прекрасно, никаких действий волшебных пилюль он не обнаружил.

– Знаешь, наверное, я мало принял. Вероятно, на мой организм они не действуют, или ты мне все наврал! Ну, давай еще пару, – он подставил ладонь.

– Знай мою доброту. Король выкатил еще пять штук, и Коля проглотил их все, потом еще две.

– Вот теперь подействует, увидишь, высшего класса кайф! Урок заканчивался, когда Николай почувствовал легкое головокружение. Наступило приятное благодатное состояние, как от выпитого стакана сухого вина. Прозвенел звонок, и они вывалились на улицу.

– А пойдем, искупаемся, что-ли. Пляж в двух шагах. Они спустились от площади Ленина к мосткам, ведущим на песчаную отмель острова. Колю уже немного штормило, но он

старался держаться, и не подавать виду.

– Ну, есть малость, развезло, – признался Коля.

– Сейчас искупаемся и все как рукой снимет, ты еще потом скажешь, давай еще повторим! Колька стянул с себя штаны и майку и, буквально рухнул в песок. Координация движений покинула его. Они полезли купаться. Вода в Оке была мутная, кофейно-сливочного цвета. Под водой песок переходил в противное илистое дно, но Коля уже ничего не чувствовал, он радостно бултыхался в воде. Ему даже показалось, что опьянение отступает, и он отлично соображает головой. Они вылезли на берег, немного обсохли. Король заторопился домой.

– Я после суток, да еще эти занятия. Спать хочу, давай, одевайся, пошли. Какое-то оцепенение наступило, Николай двигался медленно и неуклюже. Надевая футболку, он долго не мог попасть в рукава, брюки пришлось натягивать лежа.

– Тебе куда ехать-то?

– Нааа- Свеердддд.

– Ясно. Мне на Ульяновку. А ты здорово набрался. Как бутылку водки засадил! Ну, Колик, ты даешь. Я тебя провожу на всякий случай, а то, как бы милиция не замела. Они поднялись по лестнице и сели в какой-то автобус. Далее Коля мало что помнил. Очнулся, сидя на лавочке в своем дворе. Он разглядывал пожухлые цветы в клумбе. Мимо проходили соседи, возвращавшиеся с работы. Вот прошла тетя Тася с коробкой торта, вот Анатолий Михайлович, наверное, к де-

душке в гости. Нет, сейчас показываться в таком виде нельзя. Надо переждать. На мгновение он закрыл глаза, и куда-то провалился.

– Коля, Коля, – это папа пришел с работы. Николай открыл глаза, попытался встать, протянул отцу ладонь.

Глава 17

Наступило лето, пора выпускных вечеров. Они с Кашиным в те дни часто отпраивались то в школу, то в техникум, чтобы послушать, как играют горьковские группы. Однажды удалось пролезть на вечер в школу номер семь. Играл ансамбль «Брус». Позднее Коля узнал, что означает эта аббревиатура – Бас, Ритм, Ударник, Соло.

Мне одна цыганка
Нагадала,
Будешь ты богатым,
Но она солгала.
Богатство, богатство, стороной обходит,
Не ко мне, не ко мне,
А к другому приходит,

– пел «Брус» популярную в те годы песню. Чешские фирменные красные «Йоланы», усилители и колонки «Моно», хорошая ударная установка, бас играл через немецкую акустику – MV3. Мальчики протолкнулись сквозь танцующих ближе к сцене и с интересом смотрели и слушали работу состава. Вечер традиционно начинался вальсом. Резкие, почти стеклянные звуки «Йоланы» наполняли зал, и летели, отражались от высокого потолка. Потом прозвучали битловская “Don't Let me down” и “Yellow River” из “Christie”. Они еха-

ли в ночном трамвае и долго обсуждали мероприятие. Завтра ребята планировали посетить вечер в Колиной школе, где должно было играть «Шестое чувство». Эта группа, созданная в Политехническом институте, была в городе одной из лучших. В тот вечер Коля притащил в школу магнитофонную приставку и микрофон, специально для того, чтобы записать их выступление.

Глава 18

В эти годы советская эстрадная музыка переживала второе рождение. Утесов, Бернес и Шульженко уже не были так популярны. Старая гвардия отошла на второй план. Теперь на радио и телевидении появились новые лица и голоса: Эдита Пьеха, Валерий Ободзинский, “Норок”, “Голубые Гитары”, Юрий Антонов, Анатолий Королев и многие другие. Когда группа «НОРОК» приехала в Горький, Коля уговорил отца купить билеты на их концерт в Кремлевском концертном зале. Год назад они здесь впервые слушали выступление “Голубых гитар”. Они тогда на Колю произвели сильное впечатление, но с тех пор появилось много новых интересных ВИА. Группу “Норок”(Счастье – молд.) Коля знал по их единственной пластинке, выпущенной фирмой “Мелодия”. На ней ансамбль представил четыре песни: «О чем плачут гитары» (М.Долган – Е.Кримерман) В.Искров «Артист поет» (М.Долган – Е.Кримерман) В.Искров «Дети солнца» (Спицын – Е.Кримерман) В.Искров «Дар – Доруле» (М.Долган – А.Стрымбану) И.Суручану Когда они заняли в зале свои места, Коля стал разглядывать усилительную аппаратуру молдавского ансамбля и инструменты. На сцене стояли усилители и колонки “Marshall” и “Kustom”, ударная установка с тарелками “Zup”, электроорган. Вечер начался с известных по пластинке песен, кроме этого ребята исполни-

ли несколько композиций из Битлз на русском языке, и музыку из популярных кинофильмов. Коле очень понравилась в их исполнении русская песня: “Ты постой, постой, красавица моя”. В середине прозвучал красивый и техничный проигрыш с эффектом “кричащей птицы”. Это выглядело смело и ново. Ансамбль принимали очень хорошо, каждую песню публика награждала бурными аплодисментами.

Вечером, они возвращались домой, полные впечатлений.

– Пап, ну и как тебе они?

– Да, Коля, конечно, неплохо. “Артист поет” – просто замечательная песня, как это сейчас говорят – настоящий хит? Отличная мелодия, аранжировка безупречная. Гитары играют мелодично, со вкусом. Конечно, раньше я ничего подобного не слышал.

– А звук, какой мощный. Раньше на сцене у “Голубых гитар” один “регент 60” озвучивал зал, а эффекты полностью отсутствовали! А репертуар – курам на смех, одни советские лирические и патриотические.

– У этих – тоже была одна патриотическая, знаешь, без этого нельзя. А что касается звука на мой взгляд, общий динамический диапазон перегружен, да и громковато было.

– А что ты этим хочешь сказать?

– Это можно объяснить на примере регуляторов тембра. Когда они в середине частотного диапазона – искажения минимальны. Но если на отдельных частотах регуляторы выведены на максимум, – они стремительно растут. Вот, в дан-

ном случае, одни частоты слегка мешали другим, и на большой громкости это сильно ощущалось. Вспомни это звучание и сравни его с тем, как “Поет артист” сделан на пластинке. Во всем важна мера, золотая середина. Они вышли из Кремля и свернули на улицу Свердлова. Выпал первый снег. Глава от автора Кроме работ советских ВИА «Мелодия» печатала целый ряд безымянных миньонов с записями «неизвестных» групп. Среди названий песен попадались – «Облади-облада», «Серебряные молоточки», «Странствующий ансамбль», «Кто остановит дождь» и т. п. Благодаря программе Татарского “Запишите на ваши магнитофоны ” западные группы и певцы попали на радио «Маяк». Программа выходила в эфир и занимала около получаса между новостными передачами. «Встречу с песней» и «Запишите на ваши магнитофоны» слушала вся страна. Их ждали целую неделю. В этих программах звучали зарубежные хиты, очень редкие для советского эфира. Среди отечественных исполнителей и “демократов” попадались Пол Маккартни, “Лед Зеppelin”, “Холлис”¹⁸ и пр. Говорят, «Запишите на ваши магнитофоны» стала для легендарного Севы Новгородцева прототипом аналогичной передачи на «Би-би-си». Смелый проект Либергала и Татарского просуществовал недолго, говорят, какой-то чиновник от культуры углядел в песне “Лестница в небо” намек на сатанинство, оккультизм, сексуальную революцию. Но революция в нашей стране могла упоминаться

¹⁸ британские исполнители рок-музыки

только одна, а секса и оккультизма и в помине не было. Передачу, просуществовавшую совсем недолго, тихо прикрыли.

Из воспоминаний благодарных слушателей тех лет:

«Была у меня катушка, записанная на "Яузе-6" с этой передачей. Теперь сомневаюсь, есть ли она. Запомнились Rare Bird "Sympathy", Melanie Safka "What Have They Done To My Song Ma"¹⁹, Rolling Stones "Wild Horses" и, конечно, Led Zeppelin "Stairway to Heaven"²⁰.

Последнего уже власти предрержащие стерпеть не смогли (или кто-то просто перепугался) и передачу закрыли, после чего она через некоторое время возобновилась под другим названием».

Благосостояние народа неуклонно росло, а вместе с ним увеличивалось количество приемников и катушечных магнитофонов. Любители новой запретной музыки записывали ее с радио, с телевизоров, особенно, с новогодних передач, где под утро передавали блок зарубежной эстрады. Так, по крупицам, она проникала в коллекции звукозаписей советских граждан. Это были некачественные копии, с фоном и шумами. Разумеется, все это очень интересовало Колю. Прибегая из школы, он сразу включал свою магнитофонную приставку «Ноту», которую помогли приобрести деньги из бутылки. На старой заезженной и многократно склеенной пленке типа "6" хранилась заветная коллекция рока. Он са-

¹⁹ Мелани Сафка-Шекерик – американская певица, гитаристка, автор песен.

²⁰ Британские рок-группы

дился рядом с гитарой и подбирал все подряд, открывая для себя новые мелодии и гармонии.

Глава 19

Достойные группы в городе Горьком были немногочисленны: "Бриг" и "Шестое Чувство", "Сирин", "Аверс" "Двигатель", "Времена года". Все они, в основном, исполняли популярную советскую и западную музыку на вечерах и свадьбах. Возникали как грибы и другие ансамбли, порыв самодельного творчества затронул сердца многих любителей, из числа которых, позднее стали формироваться профессиональные коллективы, занявшие места на подмостках кафе, ресторанов и даже филармоний. Вечера в школе Каминского не обходились без "Шестого чувства". Благодаря дорогим эстрадным микрофонам и мощным усилителям, эта группа прекрасно справлялась с плохой акустикой актового зала. Звук стоял предельно тяжелый и плотный. В тот вечер Коля притащил в школу магнитофонную приставку и микрофон, специально для того, чтобы записать их выступление. Микрофон поставил на подоконник, а приставку включил в сеть, и затолкал под стул. Маркин тарачился на девчонок, то и дело приглашал кого-то потанцевать. Он был истинный джентльмен, этот Маркин. Красавиц в Колином классе было немного. Пальцев одной руки было достаточно, чтобы пересчитать: Белова, Шухова, Федулова, да Шашкова. Эти были нарасхват, Маркину не везло, Шашкова постоянно танцевала с красавцем Петровым, а ему доставалась грузная Семе-

нова или лупоглазая Зеленова. Николая школьные подружки за небольшим исключением мало интересовали, впрочем, он им тоже был почти безразличен. Для них оказывались желанными Петров или Сидоров, а сутуловатый невысокий Каминский, шёл за третий сорт. Все же он ухитрился пригласить Белову. Она пришла на вечер без очков, или просто сняла их, думая, что без них выглядит лучше. Она была изумительно красива и без очков и в очках, и Коля залюбовался ей. Простое короткое синее платье, которое многие девчонки из его класса просто ни за что не надели бы на такой вечер, выглядело на ней неотразимо. Оно обнажало ее красивые, сильные ноги, подчеркивало тонкую талию, и великолепно сочеталось с ее голубыми глазами. Возможно, это только казалось Каминскому. Вредный характер девчонки, с которой он уже три года сидел за первой партой на русском и литературе, он не раз проклинал, с нетерпением ожидая конца этих уроков. Если и случалось им заговорить, Машка цеплялась к каждому его слову, изощренно издевалась над ним. Коля пытался не раз осадить ее, и даже довел ее до слез, но гордый нрав девушки был непоколебим. Всем своим видом она демонстрировала, в какой степени Николай ей безразличен. Сейчас они молча танцевали, одной рукой он обнимал ее за талию, другой неуверенно держал ее отставленную в сторону руку. Вела она себя отстраненно, казалось, вот-вот ее передрнет от отвращения к партнеру. В этом была вся Белова. Музыка струилась из колонок, в зале становилось жарко и

душно, разговаривать с Машей было невозможно.

Да и о чем с ней говорить! Да, он бы с удовольствием проводил ее до дому, но вот беда, никакого резона, – Белова проживала по соседству со школой.

Солнце садится за вечернею мглой,
Мне снова приснится, что я рядом с тобой...

– пело "Шестое Чувство". Это был известный шлягер из Moody Blues²¹ "Night In White Satine". Русский текст, романтический, запоминающийся нисколько не портил его.

Затихли последние аккорды.

Он проводил Марию. Она, из вежливости кивнула, едва склонив голову, и уселась на свободное место рядом с Шуховой, затем глянула на Кольку строго и холодно, будто хотела сказать: – ты отвратительно танцуешь, Каминский, – но вечер сегодня хороший, и музыка прекрасная, поэтому я тебя прощаю, ну вали же скорей отсюда!

Ну, что еще он мог ожидать от нее? Красавица Шухова вообще не удостоила Николая взглядом, повернулась к Маше, и о чем-то с жаром зашептала. Николай проглотил обиду, и уставился на сцену.

Там высились горы колонок, каждый инструмент был включен в отдельный акустический агрегат. На пианино стоял громадный ламповый усилитель, изготовленный в виде

²¹ Популярная австралийская группа и ее песня "Ночи в белом атласе"

стального куба с отверстиями для охлаждения мощных генераторных ламп. По правую руку от соло-гитариста находились микшер и ревербератор, все это было соединено жгутом из кабелей. Вечер был в самом разгаре.

Репертуар у “Шестого” был достойный. Композиции – на любой вкус: от "Цыпленка жареного" до "N.I.B" из Black Sabbath!²² Отличные голоса, пассажи лидера заучены на совесть, гитарный звук отменный, тягучий.

Исполнение композиции “Are You Ready” из «Grand Funk Railroad» непревзойденное!

Звук «Вельтмайстера» покорял с первых нот. Фирма по сравнению с козлино-блеющей “Юностью”! Они даже сыграли в тот раз «Crosstown Traffic» из Хендрикса. Мороз по коже! А потом была эта, их коронка:

Не спрашивай, зачем так жду я нашей встречи,
Зачем ненастный день сменяет синий вечер,
Не спрашивай, зачем я о тебе мечтаю,
зачем молчу о том, о чем молчать нельзя.
Может это только сон, чудесный, но несбыточный сон,
Может быть, ищу я зря, ищу я зря следы на снегу,
следы на снегу, следы на снегу...²³

Он обернулся к залу – Машка танцевала с Петровым, ко-

²² британская группа в стиле heavy metal, одна из композиций с их дебютного альбома.

²³ предположительно – группа «Кочевники»

торый совершенно неприлично притянул ее к себе, они о чем-то оживленно трепались. Конопатая Федулова показала ему язык, и покрутила пальцем у виска. Каминский вышел за дверь, здесь было прохладно – в распахнутые окна дышала свежестью ночь. Над зданием сельхозинститута висела «большая медведица». Ему было плохо. Коля чувствовал себя раздавленным, эту музыку исполнял не он, не он стоял сейчас на сцене с красной гитарой – “Торнадо”. Казалось, эта грусть отодвинула его мелкие проблемы на задний план – какая там, к чертям, биология, какая химия. Ему никакого дела не было ни до Беловой, ни до Шуховой. Кто-то подошел сзади и положил ему руку на плечо.

– Сергей? – Каминский обернулся.

– Коля, давай потанцуем, – она смотрела на него сверху вниз. Ольга Гуревич, самая рослая девочка в классе. Только этого ему не хватало, по сравнению с ней Николай чувствовал себя пигмеем, андаманским мелким дикарем.

– Белый танец, отказываться нельзя, – это возник из темноты Сергей, о нем Николай совершенно позабыл. Он припомнит ему это ехидство. Вот сам бы и танцевал с Ольгой! Он представил его – маленького, кривоногого с этой длинной девушкой.

– Да, конечно, Оля. Музыка внезапно оборвалась, в зале и в коридоре погас свет. Такие отключения в школе иногда случались, это было досадно и неприятно для танцующих. Ребята затопали, засвистели, завуч включил фонарик и по-

шел проверять пробки на Erdgeschoss²⁴.

– Ты спасен, Каминский, – низким голосом резюмировала Гуревич, и, сверкнув очками, растворилась в темноте. Прошло пять минут, а может и все восемь, когда включился свет.

Он увидел через дверной проем как, наконец, засветились лампы в усилителе «Шестого чувства», услышал, как появился в динамиках переливчатый звук «вельтмайстера».

Вечер был окончен, и запись сделана. Они уложили магнитофон в сумку и вышли на улицу. Приятно было покинуть душное помещение и вдохнуть свежий воздух. С Волги дул легкий прохладный ветерок. Они дошли до ворот дома Каминского.

– Поднимемся ко мне, послушаем, что получилось?

– Нет, чувак, не сегодня. Я побегу, может, успею на последний трамвай. Сегодня был длинный день. Мы потом обязательно все послушаем, заодно и то, о чем там твои одноклассницы болтали. Микрофон, между прочим, как раз за ними стоял на подоконнике. С Лыковой дамбы донеслось еле слышное дребезжание.

– Все, кажется, успеваю! Сергей пулей рванул на остановку.

²⁴ нижний этаж (нем).

Глава 20

Впереди намечались новые трудности – Николаю предстояло поступление в институт.

Оно просто в голову не укладывалось.

Ему очень нравились живопись и литература, радиотехника и архитектура, но как выбрать из такого разнообразия что-то единственное, что станет любимым на всю жизнь? Мозг его просто разрывался на части.

Он мучил родителей и бабушку своим нежеланием заниматься чем-то всерьез. Как-то раз у бабушки гостил профессор Чернов с кафедры русской литературы университета, фрондёр и сподвижник известного диссидента Хайта.

Елена Васильевна не преминула показать Чернову отличные сочинения внука по литературе. Она хранила их в отдельной папочке, и очень гордилась творческим подходом Николая к их написанию. А сочинения те, как на грех, были пропитаны до отказа темой партийности, народности и т. д. Эту воду их долго и старательно учили лить по любому поводу, так уж было заведено. Надежда Владимировна на своих уроках советской литературы делала основательный упор на любовь к Ленину и партии. Учила она правильно понимать проблематику произведений социалистического реализма, читать советских и зарубежных писателей под правильным углом зрения. Эта заслуженная учительница появи-

лась у них с пятого класса и сразу же взяла класс в ежовые рукавицы.

На её уроках отсутствовала возможность поболтать, сплести что-то, заглянуть в учебник при интерпретации домашнего задания по литературе. Её уроки стали самыми главными, можно было забыть тетрадь по истории, по биологии и даже по математике, – манкировать литературой и русским языком не приходило в голову никому, даже самым отчаянным лодырям. К старшим классам Надежда Владимировна стала ещё интенсивней закручивать гайки, чаще заставляла писать сочинения и диктанты.

Профессор Чернов сначала хмурился, морщил лоб, некоторые предложения зачитывал вслух, ехидно посмеиваясь. Бабушка терпеливо ждала приговора. Наконец, проглотив очередную порцию штампованных фраз, Юрий Владимирович сказал:

– Елена Васильевна, слог у Вашего внука, конечно, неплохой. И фантазия есть. Но все это такая белиберда. Хе-хе! Он цитирует известного поэта. Вот, только послушайте: “Ленин прост как материя, как материя сложен – наш народ не теряя, чтоб кормить его с ложечки”. И это, с позволения сказать, эпиграф сего творения! А вот, – он поднял палец к потолку, – ну, тут вообще, ахинея! Нет, я не могу этого вынести. Как можно петь дифирамбы этому упырю?! Читая следующее сочинение, Чернов постепенно входил в раж и уже, не смущаясь, трясся от смеха. Бабушка даже привстала со

своего места. Глаза ее сделались большими и суровыми, а пальцы правой она так сильно сжала в кулак, что костяшки побелели.

Чернова она знала давно, но такого кощунства от него не ожидала. Коля, стоя в дверном проходе, краснел от стыда. Его уже начинало лихорадить от всей этой критики, но то, что он услышал далее, заставило задуматься.

Жестикулируя, профессор словесности продолжал:

– Возможно, карьера журналиста в советской прессе или на телевидении вполне достижима для Николая. Однако, тут ему придется все время наступать на горло своей, так сказать, песне. Да, хлеб журналиста труден. Поездки по стране, наблюдения, собственные мысли, которые не всегда можно обратить в слова. И как создать из всего этого позитивную картину нашей жизни? Как сделать из наших вороватых партийно- хозяйственных активистов кудесников, превращающих воду в вино. Как заставить советского человека в конце двадцатого столетия поверить в утопию светлого будущего. Огромное количество однообразной аморфно-водянистой неправды, которую придется творить, рано или поздно начнет разрушать твой молодой мозг. Потом еще много всего было сказано, и задано немало вопросов, на которые Николай отвечал без особого рвения. Елена Васильевна, в ужасе от всех этих высказываний, проводила Чернова, который тут же вернулся, и снова позвонил в дверь. Он забыл свою трость, чего с ним обычно не случалось. Дверь открыл

удивленный Коля. Он принес трость Юрию Владимировичу, тот благодарно пожал руку мальчику, и негромко сказал:

– Не обязательно становиться журналистом или писателем. Если однажды что-то зацепит тебя так сильно, что ты не сможешь удержать это в себе, – вот тогда – пиши. Но пусть это не будет хлебом для тебя, лады? Он больше ничего не добавил, просто повернулся, и стал спускаться по лестнице, наваливаясь на трость. Коля даже не успел толком попрощаться с ним. Его вполне бы устроила карьера артиста, но, вглядываясь в свое зеркальное отражение, он приходил к печальным выводам о своей профнепригодности для театра и кино. Да, симпатичный мальчишка и только. Какой уж там герой-любовник или молодежный лидер – не широкоплеч, сутуловат! А о характерных ролях нельзя было и мечтать, настолько он казался простым и предсказуемым.

Сказывались и дефекты речи: " фуба, фапка". По этой причине страдал и вокал – как он ни драл глотку, путного ничего не выходило. Слух был, но голос...

В общем, неважный голос, да еще с весьма ограниченным диапазоном.

Дед отговаривал его от театрального образования, он отчетливо понимал – мальчик еще не нашел себя, но у него нормальная голова, умелые руки, он дружит с техникой. И это уже немало! Однажды все сложится, Коля возьмет от жизни знания и опыт, и будет отличным мастером своего дела, неважно какого.

Приятели собрались поступать в ГПИИЯ²⁵. Что ж, Николай тоже чувствовал в себе способность выдержать вступительные экзамены в этот ВУЗ, и начал потихоньку настраивать себя на это.

В школе все складывалось скверно, и оценки оставляли желать лучшего. Да что и говорить: больше месяца Коля провалялся в инфекционной больнице со скарлатиной, которую подцепил в школе. Эта дурацкая болезнь напала на него в самый неподходящий момент, и он оказался в полной изоляции от уроков и друзей.

Математика, физика и химия оказались абсолютно запущенными по причине лени и вынужденных пропусков. Гуманитарные предметы давались ему значительно легче, тут можно было просто вызубрить что-то, к тому же, склонность к языкам у Николая была.

После долгих дебатов с родителями им был выбран французский переводческий факультет. На вступительных экзаменах сдавать предстояло русский, литературу, историю и немецкий язык. По тогдашним правилам к общей сумме баллов, полученных на вступительных экзаменах, прибавлялся средний балл школьного аттестата. А средний балл Николая составлял только три с половиной.

²⁵ Горьковский педагогический институт иностранных языков

Глава 21

Жарким летним днем Коля и его приятели отправились в Институт иностранных языков на “День открытых дверей”. Была обещана экскурсия по кафедрам, встреча ректора с абитуриентами и в конце – праздничная музыкальная программа с участием ансамбля французского факультета – “Бриг”. Этот ансамбль в городе когда-то был одним из самых лучших. После скучных походов по аудиториям, лингафонным кабинетам, просмотра стенгазеты ВУЗа и посещением буфета ребята вышли во двор. Здесь на баскетбольной площадке ребята из “Брига” выставляли аппаратуру. Прибежал Сережка Кашин, живший поблизости. Он с любопытством разглядывал фирменные гитары команды.

Посмотреть концерт пришли и Анисимов с Мединским. Они увидели Колю и подошли ближе.

– Главного участника нет, – грустно констатировал Мединский, дожевывая молочный коржик. Миша, ты не знаешь, Карлуша будет играть?

– Думаю, не будет. Скорее всего, в городе его нет.

– Тогда это совсем не то. Прозвучали первые аккорды. Были исполнена песня “Осень” – своеобразная визитная карточка ансамбля. Зрители слушали выстроившись полукругом за пределами площадки, звук летел над ними и отражался от стен пожарки, стоящей через переулок. Несмотря на то, что

в качестве клавишного инструмента трудилась скромная организола “Юность”, композиция звучала фирменно. На таком же уровне была исполнена и шуточная песня “Старый аэроплан”. Несмотря на неполный состав, “Бриг” сыграл отлично, ничего лишнего, – высокий профессионализм. Кашин смотрел на все это, полный восторга, да и Коля не скрывал удивления и радости. Маленький концерт прошел на одном дыхании, красиво и слаженно. “День открытых дверей” удался! Они еще долго смотрели, как ребята из “Брига” разбирали аппаратуру, уносили колонки и гитары в институтский корпус, а потом отправились по домам. Маркин не мог выдумать ничего лучше, чем примкнуть к друзьям, поступающим на французское отделение. Коля не одобрил приятеля:

– Марк, тебе не надо было бы этого делать, шел бы в строительный, или водный.

– Ну, куда ж я без вас? Я тоже в математике не рублю ни фи́га. Сразу срежусь, два балла обеспечено. Они довольно успешно начали сдавать вступительные экзамены. Николай в первую неделю заработал две пятерки – за сочинение и за немецкий язык. На экзамене по немецкому преподаватель, ставя ему «отлично», заметил:

– Напрасно сюда поступаете. У нас не любят учеников из специальной школы, вот увидите, начнутся проблемы. Даже, если выдержите давление первых лет – потом полностью пропадет охота и интерес. Вы знакомы с французской литературой? Я, конечно, не имею в виду Жюль Верна и Дюма

отца.

– Да, знаком, некоторым образом. Мопассан, Бальзак, Вольтер. Моя бабушка еще с гимназии помнит французский, «Неопалимую купину» читает и сейчас в подлиннике.

– Это неплохо, может, я и ошибаюсь насчет вас. Ладно, зовите следующего. День выдался жаркий, Николай дождался Маркина, который тоже заработал пятерку, и они отправились за мороженым, совершенно забыв о волнении родителей. Он позвонил домой из автомата только через час.

– Молодец сынок! Мама была горда за него, все начиналось отлично. У него было три дня на подготовку к экзамену по истории, он провел их в довольно напряженном зубрежении съездов партии и дат различных важных народных восстаний. День экзамена начался с сильного дождя. Мама дала ему с собой зонт, но его по дороге несколько раз выворачивало ветром. Он пришел вовремя, но не успел все же оказаться в первых рядах. Маркин и Костерин пришли позже. И у того и другого дела были несколько хуже, чем у Николая, они набрали только по 9 баллов из десяти. Спустя два часа он во второй партии отправился сдавать историю. Вопросы оказались простыми, память его не подвела. Пришел его черед, и Коля бодро выдал все что знал про Пугачевский бунт, присовокупив что-то из «Капитанской дочки». Экзаменатор, выслушав не до конца порцию добросовестного повествования о XIX съезде партии, спросил:

– А чем все же, был знаменателен этот съезд?

– Я думаю, выступлением Берии, который ясно дал понять США о недопустимости проводимой ими политики ядерного шантажа...

– Да, вы правы, но отчасти. Я не могу поставить “отлично” по причине того, что историзм мышления у вас совершенно отсутствует. Кроме выступления Берии и Хрущева надо было отметить переименование партии, вопросы, связанные с новой пятилеткой, с улучшением качества жизни советских граждан и т. д. Видимо, вы совсем не думали об этом, и совершенно напрасно. И он вкатил-таки Николаю четверку за экзамен, да и Маркину тоже после него. Русский удалось сдать на «отлично». Началось мучительное ожидание «приговора» 20 августа председатель приемной комиссии обнародовал список учащихся, принятых на французское переводческое отделение ГПИИЯ. Каминский и Маркин в этом списке отсутствовали.

Глава 22

Колины родители были в ужасе, казалось бы, отличное начало обернулось неприятным концом. Поправимо ли это, или мальчику придется терять целый год? Назначили встречу с ректором для объяснения всех причин сложившейся ситуации. Таких родителей оказалось немало.

– Мы не смогли принять в этом году более 20 выпускников школ города. У нас есть определенный план и обязательства перед учащимися рабочего факультета, отслужившими в армии и окончившими подготовительное отделение на отлично. Конечно, жаль, что все так сложилось, но я готов рассмотреть несколько вариантов: Первое, – мы принимаем вашего сына кандидатом, без стипендии. При условии сдачи обеих сессий на «отлично», мальчик зачисляется в состав студентов. Конечно, это будет нелегко. Однако, уже после первой сессии некоторые студенты уходят сами, так что увеличиваются шансы попасть на освободившееся место..

Второй вариант – вечерний факультет. Сами понимаете, никакой отсрочки от армии, да и знания будут уже не те.

Расстроенные, с большими головами Петр Иванович и Анастасия Львовна шли домой.

Было жарко, они свернули на тропинку Александровского сада. Здесь, в тени лип, он присели на лавочку.

– Настя, тебя же просто трясет, надо взять себя в руки и

думать, как быть дальше. никоим образом я не склоняюсь к предложенным вариантам. Мне кажется теперь, что не надо было Николаю туда поступать, вот все мы задним умом крепки.

– Еще немного, и я бы этого ректора на полоски порвала. Колина мама вытянула вперед дрожащие пальцы с красивыми длинными ногтями. Вовремя ты меня увел оттуда. Мой Коля, значит, хуже этих деревенских недоумков, конечно, они справками запаслись, гарантийными письмами. Как же так, почему мы не знали? Мы честные, мы не можем обходным путем. Почему твой отец заранее ничего не мог предпринять?! Она вдруг разрыдалась.

Увы, Иван Павлович, разбитый инсультом в феврале, чувствовал себя плохо. Конечно, он не мог ничего сделать. Неудачу с поступлением договорились скрывать от него.

Они прошли по откосу до площади и через Кремль направились к дому. Такие прогулки случались у Колиных родителей не часто, постепенно их нервы приходили в норму. Ведь, в конце концов, истериками делу не поможешь, надо искать решения, говорить с сыном, обсуждать варианты.

Глава 23

Коля не желал и слушать о поступлении в качестве кандидата. Сдать обе сессии на «отлично»? Какого черта, почему другим можно все, а ему – кандидатом? Где при таком раскладе счастливая студенческая жизнь? Перечеркнуть все, чтобы стать школьным учителем французского языка?

– Пап, устраивай меня на работу. Другого пути я не вижу. Надо на другой год поступать в нормальный ВУЗ, без хитростей и подлостей. Ну, а уж если без них нельзя – тогда с хитростями. Вы представляете, этот Бочкарев из Казани, который сдал все экзамены на четверки, прошел по конкурсу! Даже если у него средний школьный балл четыре – он никак не тянет.

– Коленька, у нас несправедливость везде. Ты вспомни Гоголя или Островского, Анастасия Львовна негодовала, – в России без протекции и бумажки человеку пути нет. Конечно, ты тоже виноват, иметь средний балл по аттестату три с половиной – стыдно. Но у тебя есть еще год, а то, что случилось – урок для всех нас. Поверь, я тоже чувствую себя побитой, и я не знаю, что делать дальше. Ты должен решить сам. Через месяц он был оформлен лаборантом в отцовский научно исследовательский институт. Оклад в семьдесят пять рублей, новая, интересная жизнь. Он не будет теперь висеть на шее у родителей, а что случится дальше – посмотрим.

Возможно, выбор пути придет сам. Это был замечательный институт! Отдел внеземных цивилизаций! Пока документы Николая проходили проверку в отделе кадров, его отправили в экспедицию на Кара-Даг. Вкратце объяснили, что и как он должен делать в крымской лаборатории. Погода стояла теплая – бархатный сезон в самом разгаре, и Петр Иванович посчитал, что пара месяцев самостоятельной жизни пойдут молодому человеку только на пользу. Ему купили самое необходимое из одежды и обуви, поскольку предстояли прогулки в горах и ночевки в палатке. В рюкзак отправились банки с тушенкой и сгущенкой, макароны, галеты, конфеты, печенье. Мама строго наказывала купаться в море осторожно и далеко не заплывать, в горы не лезть, призывала быть аккуратным с электричеством и огнем.

Вылетали они самолетом из Горького в Симферополь втроем: молодой инженер Валера Алтунин, и лаборант Крыленко ждали его в назначенное время в аэропорту. Они прошли регистрацию уже поздно ночью, и в 4 утра вылетели.

Глава 24

От Щebetовки, куда добрались из Симферополя попуткой, Валерка тащил их по горной тропе. Это было намного увлекательнее тошнотворной поездки по серпантинам на крымском троллейбусе. Молодой инженер шагал так бодро, что ребята, непривычные к интенсивному подъему, еле поспевали за ним. Около верхней точки они передохнули, и сделали по глотку воды. После перевала туристические ботинки, купленные в “Динамо” за шестнадцать рублей начали расползаться по швам. Они не выдерживали такого долгого каменистого бездорожья. Наверху в горах оказалось весьма прохладно и пришлось натянуть анорак из плащевки. Метров восемьсот они шли по хорошей гладкой тропе, потом дорога снова стала каменистой.

Перемена места действовала на Колю положительно. Дышалось легко, горный воздух, море. Настроение бодрое, впереди пара месяцев бархатного сезона, беззаботной, совершенно самостоятельной жизни. Ни тебе родителей с их нравоучениями, ни зубрежки – красота. Как говорил великий юморист и сатирик: “Забудьте школу как страшный сон!”

Еще через пару километров пути им открылся отличный вид на море.

Внизу, за полосами виноградников располагался поселок, но они не стали спускаться к морю, а свернули с широкой

дороги на тропу, огибающую большой холм. За ним показалось огромное параболическое зеркало антенны и, собственно, лагерь экспедиции, состоявшей из домика-лаборатории, хозяйственного блока под навесом и двух палаток.

– Этот блок занят всяким хламом, – Валерик указал на более новую палатку, – а справа ваша, можете устраиваться, он посмотрел на часы, – так, давайте передохнем, а минут через двадцать подходите в домик, я выдам вам спальные мешки, мыло и прочее. Вот, почитайте пока правила производства работ в экспедиции. Крыленко, устроился вместе с Колей в одной в палатке, так как в доме свободные койки отсутствовали. Палатка была солдатская, огромная, скорее всего человек на десять или двенадцать. Вся конструкция домика представляла собой каркас из металлических труб, брезентовый чехол, натянутый поверх конструкции удерживался лямками и проволокой. Посередине стояли две никелированные стандартные кровати с матрасами сомнительной свежести. Чтобы не скучать, Крыленко взял с собой в экспедицию гитару, как же без нее? Их служебные обязанности оказались более чем просты: по очереди следить за самописцами, отображающими на бумаге сигналы и вовремя добавлять в них пипеткой чернила. Жара сильно иссушала чернила днем, одной заправки хватало на 3 часа. Ночь позволяла расслабиться на четыре часа.

Днем ходили купаться, – море находилось далеко внизу, и походы на пляж требовали немалых усилий. Глиняная раз-

битая дорога в поселок шла мимо виноградников и фруктовых садов. Если вниз можно было спускаться под горку с веселой песней, то возвращение на базу по жаре удовольствия не добавляло. Все морское освежение – псу под хвост. Одним словом, походы на море быстро надоели ребятам.

Кто же такой был этот самый Крыленко?

Сергею стукнуло уже восемнадцать, и его вот-вот могли забрать на военную службу, тут на юге он блаженствовал вдалеке от военкомата. Он был весьма заносчив, считая себя уникальным знатоком западной поп-культуры, рок-музыки и прочих аксессуаров. Особое внимание он уделял всяким внешним проявлениям, характерным для настоящих западных музыкантов. Это пёрло из него нескончаемым потоком. Колю он сразу начал критиковать, вплоть до откровенного унижения:

– Ну, посмотри на себя, что за вид, ну кто носит такие джины – говорил он, хохоча фальцетом, – ты натуральный колхозник, такой же как все (слово джинсы произносилось на питерский манер – джины) А что за рубашка на тебе – кошмар, ты бы хоть ушил этот мешок! Новые индийские джинсы "Lui", купленные мамой в магазине "Динамо", Колю очень устраивали, и серая рубашка с рисунком в виде огурчиков тоже казалась вполне сносной. Сергея несло – в самых непристойных выражениях он отзывался о советской эстраде и ВИА, он признавал только "Deep Purple" как группу всех времён и народов. "Deep Purple" для Коли в ту пору был

неизвестен, и это просто приводило его оппонента в раж. В общем, Крыленко вначале казался просто занозой в заднице. Иногда они не разговаривали по несколько дней кряду, такой уж это был несносный тип.

Но общение с ним заставляло Колю о многом задуматься. Конечно, парень был увлечен западной музыкой, как и Николай. Его доводы насчет внешнего вида, тоже во многом казались правильными. Говоря с ним об Америке или Англии, Николай невольно вспоминал дедовы журналы. Да, это, конечно совсем другая жизнь, другая одежда и культура.

Постепенно они находили общий язык. Его отдельные постулаты отдавали дешевым снобизмом, но Коля мог с этим мириться и старался понять нового приятеля. Что-то расходилось во всем этом с представлениями Николая о форме и содержании, которые вложили в него школа и родители. Они много спорили, ссорились, орали друг на друга, многие умозаключения Крыленко и впрямь были дремучи. Он с одной стороны, как стилига, просил на страницы "Крокодила"²⁶, с другой – был тем же совковым продуктом, что и Коля, просто считал, что достоин какой-то особой, лучшей, жизни, будто он светлый луч в сером царстве толпы колхозников.

После ужина занятий никаких не планировалось, и они по очереди играли на гитаре.

Сергей не обладал особой техникой, но знал несколько интересных аккордов, и неплохо пел Битлов своим высоким

²⁶ Сатирический журнал советских времен

голосом. Слух у него, несомненно, присутствовал. Николаю очень понравилась песня "The Sound Of Silence" из репертуара Саймона и Гарфанкела, он попробовал петь вторым голосом, получилось неплохо.

– Ты играешь, неплохо. У меня есть приятель один, Виктор (Сергей произносил его имя с ударением на второй слог), приедем – познакомлю. Чувак фирменный, питерский, учится в Горьком, вот закончит последний курс, – уедет в свой родной Ленинград. Играл в одной известной группе, знает кучу всяких песен, и отлично поет на английском.

– А ты сам-то, где в Горьком живешь? – спросил Николай.

– На улице Горького, в самом начале, дом 1а.

– Надо же! Ведь я, можно сказать, родился в соседнем доме. Мать оттуда родом. Он назвал ее девичью фамилию.

– Здорово, бывают же такие совпадения. Я знал твою бабушку. Сейчас того дома нет. А наш еще держится, но старый уже, скоро, один черт, сломают. Нам предлагают переезжать в Канавино, а мать не хочет. Новую квартиру дают, и недалеко, площадь Ленина. Нам нужно трехкомнатную, нас трое, мать, я и сестренка. Разговор затянулся до позднего вечера.

– Ну, ладно, я пошел аппаратуру проверять. Надо будет на левом самописце бумагу поменять, на ночь не хватит, – Николай выбрался из спального мешка. Транзисторный приемник в горах ловил ближние зарубежные станции на коротких волнах. Прослушивалась Румыния, пробивались какие-то исламские радиостанции с восточными мелодиями.

Нормальная музыка лишь изредка попадалась.

Кое-как, они наладили свое пропитание. Крыленко научил Колю варить макароны, картошку и рис, поскольку Николай никакого представления об этом ранее не имел.

– Как ты жил-то до этого, – удивлялся Сергей, – за мамину юбку держался, ждал, когда еду в клюве принесут?

– Ну, с бабушкой я жил, что же тут такого, – обижался Коля. Она меня не учила готовить. Он зачерпнул из бочки питьевой воды, и поставил кастрюлю на плиту. Электроплита разогревалась медленно, они сидели рядом под навесом и курили.

Когда вода закипела, Сергей, комментируя каждое действие, сыпанул соли, и положил макароны в кастрюлю. Когда они сварились и стали мягкими, слил большую часть воды, и вывалил в кастрюлю тушенку из банки.

– Готово. А если бы еще и лука добавить!

Лук они забыли купить. Вариво и так было вкусным. Они еще посыпали макароны черным перцем.

– К такой закуске и винца хорошо бы? А?

За вином обычно спускались с горы в сельмаг. Но идти пятнадцать минут – лень. Обычно, там имелся небольшой выбор местного крымского портвейна, муската. Один раз купили там кокур "Сурож", показавшийся им слишком сладким. Много его не выпьешь, все кишки слипнутся. Сухое красное вино из Коктебеля оказалось намного лучше.

Рядом с сельмагом местные бабки торговали огурцами,

помидорами, зеленью. Крымские помидоры – мясистые, темно-розовые, сладкие, им пришлось по вкусу.

Как-то, вынося мусор, Коля обнаружил в долине за холмом, где стояла их палатка несколько грушевых деревьев. Приглядевшись, он увидел, что ветви их просто ломаются от спелых плодов. Вернувшись в палатку, он рассказал Сергею об этом. Крыленко сходил в домик, и через минуту вернулся с алюминиевой стремянкой, которая предназначалась для подъема на рабочую площадку параболического зеркала. Затем они отправились в царство груш, и моментально набрали целое ведро самых крупных плодов.

– Есть можно, – довольно урчал Крыленко, вгрызаясь в желтую сладкую мякоть, сок тек по его усам и подбородку, – но вяжут немного.

– Зато бесплатно! Хорошие, сочные какие! Надо поискать, может, и еще что-нибудь найдется. Возвращаясь из Крымского приморья, проходя мимо виноградников, они обнаружили оставленные между рядами горки отборного розового винограда. Поскольку никого в радиусе нескольких километров не было видно, Коля и Сергей стянули рубашки, соорудили из них мешки, и наполнили их самыми крупными гроздьями. Принеся это богатство в лагерь, ребята пересыпали виноград в эмалированное ведро, и помыли под краном.

– Виноград надо мыть тщательно, заявил Крыленко тоном знатока, – его опрыскивают всякой гадостью от вредителей.

Они поедали его весь вечер, и не могли остановиться. Такого замечательного розового муската в Горьком они не видели! В середине сентября в Крымском приморье наступила пора уборки винограда и персиков. Студенческие отряды приехали из Феодосии, Симферополя и Керчи. Городок после массового отбытия отдыхающих, снова оживился. Гуляя вечером по берегу с гитарой, они приклеились к девичьей компании. Девушкам понравились песни в их исполнении, они стали собираться на пляже каждый вечер. Постепенно сложилась компания для вечерних посиделок. Купаться ночью совсем не хотелось, было уже прохладно, обычно они просто разжигали небольшой костерок из топляка на камнях, и сидели вокруг, болтая обо всем.

Вечера наполнились приятным времяпрепровождением. Девочки каждый раз приносили ребятам огромный кулек с персиками. Они были не больно крупные, но всегда очень спелые и сладкие. Коля подружился с высокой черноглазой Наташей, а Крыленко крутился возле блондинки Оксаны. Как-то раз они даже сбросились на трехлитровую банку красного крымского вина “Бастардо”. Досталось понемногу, зато все развеселились.

Коля пел заводной рок про маленького зеленого крокодила, которую когда-то ему наиграл Маркин. “Не спрашивай зачем”, содранная у “Шестого чувства” нравилась всем без исключения. Наступала ночь, ребятам было пора на дежурство, девочкам требовалось отдохнуть перед следующим

днем изнурительной работы.

Они шли под навесом вдоль моря, держась за руки, галька разбегалась у них под ногами.

Темнота кое-где прорезывалась редкими фонарями. Рядом почти никого – курортный сезон на исходе. Говорили о всякой ерунде.

Коля слегка робел, оставаясь с Наташей наедине, уж очень необычным и романтичным все это казалось...

– А ты, в каком техникуме учишься?

– В экономическом, а ты?

– Я поступал на переводческий, да не стал там учиться. Те условия, которые мне поставили, невозможно было принять.

– А я бы вот, с удовольствием пошла в иностранный.

– Да, у нас девушки потсупили на педагогический, потом в школе будут работать. Мне это не подходит. Да что это мы об учебе, я даже еще и не решил, что дальше делать. А у тебя сестра или брат есть?

– Нет, я одна у мамы. Папы давно уже нет, он погиб в аварии. Мама в музее Айвазовского работает, зарплата малюсенькая. Она большим и указательным пальцами показала размер этой зарплаты. Я помогаю, – каждое лето в стройотряде.

– Прости...

– Ничего. Их лица в темноте сблизились, набравшись решительности, он поцеловал ее в губы.

– Ты знаешь... Ты очень хороший, добрый мальчик, мне

легко с тобой, и я не хочу все портить серьезными отношениями.

– А серьезные отношения, – это в твоём понимании что? – спросил Николай, – у тебя есть парень, там, в Керчи, ты любишь кого-то? Он притянул ее слегка к себе, ощущая, насколько Наташа выше его ростом. Но это еще больше заводило Колю. Ее мягкий, южный говор, наклон головы, взгляд великолепных черных с какими-то удивительными искрами глаз, все это сводило с ума.

– Ну, мы просто будем гулять тут, и веселиться, я не хочу какой-то привязанности! Ты понимаешь меня? Любовь – это грусть. Мне всего шестнадцать, и никого у меня нет. Не настаивай, прошу тебя. Все равно, нам осталось еще только неделю убирать эти треклятые персики, а потом мы расстанемся. Ты ведь, не хочешь, чтобы я грустила?

– Я и не настаиваю, могу тебе честно признаться, у меня ни с кем еще и не было серьезных отношений. Николай еще чуть сильнее прижал ее к себе, – если не случится и с тобой, то ничего страшного не произойдет. Она засмеялась, негромко, по-доброму. Их губы снова встретились совсем ненадолго, будто они боялись каких-то опасных последствий этих невинных ласк.

– Зачем я тебе, такая дылда? Коля незаметно встал на ступеньку под навесом и теперь оказался с ней лицом к лицу.

– И вовсе ты не дылда. Ты изумительная красавица. Хочешь, я буду писать тебе из Горького? Она хихикнула, забав-

но наморщив носик.

– Конечно, пиши. Странно, что с нами это вот так происходит – Наташа грустно опустила глаза, давай, просто помолчим. Они молчали, слышно было, как море перекатывает камешки, все звуки и йодистые запахи моря, водорослей, ароматы магнолий и рододендронов вечером ощущались сильнее. И волшебный запах волос девушки, которую он так робко обнимал, с которой было так легко.

Глава 25

Прошел сентябрь, октябрь и наступило первое ноября, надо было возвращаться домой. На море бушевал шторм, огромные волны прибывали к берегу топляк, водоросли, ска-тов, медуз и всякую морскую мелочь. Гуляя днем по пляжу, ребята обнаружили выброшенного дельфина. Бедняга лежал далеко от воды, на боку у него зияла рваная рана в полметра длиной. Часто уже шли мелкие холодные дожди, накатыва-ло сонное настроение. В одну из ночей, бушевавший в горах ветер сорвал с проволочных креплений брезент, и унес в го-ры. Проснулись они в спальнях мешках от мелкого холодно-го дождя, нещадно хлеставшего по лицам. Пришлось им вы-лезать, и перебираться в домик за плащ- палатками. Разбу-дили Валерку, взяли фонари и спустились в долину. Брезент зацепился за грушевое дерево, и яростно хлопал на ветру. Натягивать его на палатку в темноте оказалось бессмыслен-ным делом, отложили до утра, а сами переночевали кое-как на полу в коридоре дома. Спали плохо, в доме стояла жара, к тому же шумели приборы.

Работа сворачивалась, станцию начали закрывать на зиму. По дому уже сильно скучали все участники экспедиции.

В последний день, собрав кое-как рюкзак, Коля запихнул в него с дюжину плодов айвы, сорванных с растущих побли-зости деревьев. Чтобы они не побились, переложил их бе-

льем и полотенцами.

В аэропорт добрались автобусом. Летели из Симферополя вечером, рейс дважды откладывали на час. В зале ожидания оказалось на редкость холодно и малоллюдно. Все же ТУ 134 их принял на свой борт ближе полуночи..

Горький встретил в аэропорту пургой. На последние дни-ги они взяли такси.

Вдоль улицы Свердлова неслась поземка. Дверь ему открыла бабушка, она ждала Колю, даже испекла его любимое печенье – ванильные сухарики. Несмотря на позднее время, родители еще не спали, они устроились в большой комнате вместе пить чай, все были ему очень рады! Открытый рюкзак наполнил комнату ароматом айвы.

Коля любил, когда они все вместе – бабушка, дед и родители. Это случалось обычно только по большим праздникам, видимо и сейчас был тот случай.

Дед чувствовал себя уже лучше, отрастил седую бороду, ходил с тростью. Его левая сторона пострадала от инсульта, и говорил он не совсем четко, но с головой было все в порядке, мысли свои он излагал отчетливо.

На время воцарилась идиллия, неприятности с поступлением в вуз никто не вспоминал.

Еле продрав глаза на другой день, он достал из дедова стола свободную картонную папку с тесемками, уложил туда документы, и отправился на работу.

Больше всех ребятам обрадовался Максим, начальник

сектора.

– Дело без вас простаивает, получайте детали в кладовке. Вот схемы, вот готовый корпус займетесь разработкой печатных плат для нового интерферометра, срок сборки прибора один месяц. За это время надо смонтировать, отладить его с помощью синтезатора частоты, ну а потом уже Николай поедет с ним на местность для испытаний. Время уходит..

– А почему это Николай поедет? – обиделся Крыленко. Он что, более ответственный товарищ, чем я?

– Да, потому, что тебя, патлатый, в армию вот-вот призовут. Даже из командировки хотели отозвать.

– Ерунда, – Крыленко сделал безразличную мину, – на дворе уже ноябрь. Призыв кончился.

– Если что-то не будет получаться – поможем, не боги горшки обжигают, – проигногировав его замечание, продолжил шеф, хватит балдеть, давайте, ребята, принимайтесь за работу. Схема содержала около 400 штук транзисторов, так, что объем работ оказался просто запредельным. Еще пришлось каждый конденсатор проверять на измерителе емкости, это оказалось непростым и неудобным занятием, измеритель находился на другом этаже здания, и постоянно был занят другими сотрудниками. Получили десять коробок с транзисторами и столько же с резисторами разных номиналов. Сразу же, принялись за работу, которая оказалась не столь сложной, сколь рутинной. Крыленко соображал в схемотехнике не хуже Николая, он лучше и быстрее выполнял

рисунки печатных плат и монтаж, но любил подолгу просиживать в курилке, и предаваться различным праздным разговорам.

Он готов был спорить с любым в комнате насчет культуры и внешнего вида. За время командировки его волосы угрожающе отросли, а это не приветствовалось. Он любил разглагольствовать о Вудстоке, о хиппи, о Вьетнаме и пр.

– Никакой ты не хиппи, шпана канавинская, – посмеялся над ним инженер из нашего отдела Олег Рябчиков, – ты же не разбираешься ни в музыке, ни в литературе, ты что-нибудь слышал об "Atomic Rooster" или "Pink Floyd", читал Кортасара, ты, урод нестриженный?!

Западная культура! Ты о Led Zeppelin слышал?

Сережка побагровел от обиды. Он знал прекрасно и Pink Floyd и Led Zeppelin. Более того, он вовсе не являлся представителем «канавинской шпаны». Толстый механик Юра из мастерской, зашедший в лабораторию за чертежами, предложил зажать молодого лаборанта в большие тиски и насильно постричь. Одним словом, его волосы многих раздражали.

Глава 26

Работа в институте съедала все время, Николай уставал, и с созданием ансамбля у него не клеилось. Не было средств, а главное, отсутствовало организаторское начало. Он совсем было сник, но как-то раз, посетив Бурова, узнал, как они много репетируют, и каких успехов достигли. Он рассказал о своем университетском студенческом клубе, о том, какая аппаратура там есть. Буров звал его к себе на репетиции, но Коля не видел своего будущего с “Мистралем”. Хотелось двигать что-то свое...

– Летом приезжай к нам в лагерь на озеро.

– Это где, в Пустыни что ли?

– Да, а ты откуда знаешь?

– С удовольствием приеду. Бывал в тех местах дважды. На турбазе, да и на полигоне института работал.

– Вот и отлично, значит, дорогу найдешь, но это будет летом, а сейчас, знаешь, не до музыки – сдаем первую сессию. Николай вздохнул. Все это казалось далеким и нереальным.

– Представляешь, я работаю над интерферометром. Уже почти закончил монтаж. Можно сказать, доверили самостоятельный проект.

– Здорово! Расскажешь потом? – Буров выказал неподдельный интерес к работе Николая, и это было очень приятно. Вечером, в универмаге в начале улицы Свердлова, он

встретил Сашку Мартьянова. Когда-то они учились вместе в первом классе, уже тогда у парнишки обнаружился необыкновенный слух и отличный голос. Его заметили, и определили в капеллу мальчиков, к Сивухину. А потом Мартьянов и совсем пропал из виду. Говорили, будто он учится в Ленинграде или Москве, но точно этого никто не знал. И вот теперь он в Горьком, стоит перед ним в легком пальтишке. Они отошли от прилавка, и встали в стороне, возле колонны.

– Саня, я тебя еле узнал! А ты здесь-то какими судьбами, я слышал, ты в Питере учишься? Ты стал такой худой и смуглый!

– Привет, Колька! Да я с югов. В Анапе отдыхал. Ко мне загар отлично пристает! Помню, помню, как ты мне в школьной столовой свои сосиски отдавал. Ты не ел их почему-то.

– Было дело.

– Так вот, из Питерского училища мне пришлось уйти. Я играл в ресторане, пропустил уйму занятий. Вот, сегодня отвез аттестат и справки в Дзержинское музыкальное училище, прошел прослушивание, обещали зачислить на третий курс.

– Так ведь, занятия уже начались.

– Да, но я собираюсь все сдать. Я способный! Коля рассказал ему о себе.

– Я слышал от ребят, ты неплохо играешь на гитаре. У меня есть один приятель, мы собираемся на зиму устроиться в клуб с танцевальной программой. Хочешь поучаствовать в этом?

– Я самоучка, нот почти не знаю, буду ли соответствовать вашему профессиональному уровню, Коля нахмурился. Опыта нет, надо начинать с нуля.

– Не дрейфь, вот завтра соберемся у меня, Саня глянул на дорогие часы на цепочке, часиков в семь, и послушаем тебя, приходи. Колебания овладели Николаем, но любопытство взяло верх.

– Где встречаемся?

– На Минина, там, где я раньше жил помнишь? Мы с мамой по-прежнему в десятом доме обитаем. Как и договаривались, встретились на Минина, Сашка ждал его во дворе.

– Забыл, где я живу? Пойдем. Он повел Колю вверх по ветхой деревянной лестнице на второй этаж. Далее шел длинный коридор, экономно освещенный засиженной мухами лампочкой в сорок ватт. Он открыл какую-то дверь, в нос ударил запах жареного лука. Они оказались в комнате, которая представляла собой сразу кухню и прихожую. Николай узнал в этой большой женщине с крупными чертами лица, – мать Мартьянова, Татьяну Сергеевну. На ней было длинное черное платье и зеленый фартук.

– Мам, это Коля Каминский, – представил его Сашка.

– Ну-ка, дай посмотреть на тебя, – она взяла его за руку, и, нацепив захватанные жирными пальцами очки, висевшие на шее, принялась разглядывать Николая.

– Да, вырос. Ты ведь внук того актера Каминского?

– Угу, – смутился Коля.

– Ты учишься где-нибудь? – пыталась она Колю, – мой-то балбес, э-э-эх! Татьяна Сергеевна махнула рукой. Мартьянов потащил Колю в комнату, – мама в своем репертуаре, сейчас начнет рассказывать, как я свою жизнь в унитаз спускаю, и какой я вредный тип.

Вдогонку понеслось ворчание:

– Не связывайся с ним, лучше учись!

– Мама, отстань, у Николая свои родители есть, небось, тоже плешь проедают, да, Коль? Они разместились в узкой, как келья, комнате. Единственное окно выходило на улицу Минина и полностью закрывалось густой кроной липы. Сашка открыл крышку старого пианино с двумя подсвечниками на передней стенке, и заиграл какой-то этюд.

– Ждем Шабарина. Он задерживается, едет из Дзержинска. То, каким тоном он это произнес, говорило о значимости этого субъекта.

– Я сегодня не поехал на учебу, что-то поздно проснулся, пропустил электричку, вот мама и кипит. Ты не обращай на нее внимания. Сашка исполнил «Martha My Dear»²⁷. Его лирический баритон был отдаленно похож на голос Маккартни, разве что, выдавал плохой английский. Это звучало потрясающе фирменно, Николай даже не мог представить себе, что Мартьянов на такое способен! Потом Николай сыграл Сашке что-то на гитаре, поковырял какие-то импровизации на разные темы.

²⁷ Композиция Р.МcCartney из White Album – Битлз

– Это все очень хорошо. С нотной грамотой у тебя как?

– Сольфеджио не проходил, знания поверхностные.

– Понятно, научим, не можешь – заставим. Николая поколебало такое заявление, и он уже что-то хотел сказать, но в коридоре затрещал звонок. Это пришел долгожданный друг Мартьянова.

– Видишь, ли, Николай, наши планы таковы: есть работа в клубе затона им. Жданова. Играем танцы по субботам, постепенно обзаводимся новой импортной аппаратурой, ну, регенты, мюзимы, понял? После этого устраиваемся на лето в парк “1 Мая”, а лучше в имени Кулибина, и становимся популярным ансамблем в городе. Все халтуры будут наши.

У нас для этого есть все основания и возможности.

Он сделал упор на слове “возможности”.

– У Саши отец работает на базе Роскультторга, мы постепенно, не переплачивая спекулянтам, покупаем на честно заработанные деньги “Регент 60”, гитары хорошие, орган “Вельтмайстер”, установку ударную. Тут у Мартьянова глаза просто загорелись.

– Будут, наконец, у меня хорошие барабаны. Сольник хочу премьеровский....

– Ну, размечтался. Будет у тебя ГДРовский сольник, для начала, так и быть, – Шабарин погрузился, – Санек, я ведь, опять сегодня не сдал специальность, эта падла Томилова снова завалила меня.

– Ударь ее по башке коробкой конфет или банку черной

икры подари. Ты можешь себе это позволить.

– Не хочу по мелочам отца беспокоить, сам сдам. А у тебя как дела? Ты сегодня вообще пропустил занятия, и, кстати зря. Репин искал тебя, кипятился.

– Ну, и хрен с ним с этой Репой. Давай, вот с Николаем лучше займемся репертуаром. Прослушивание прошло с некоторыми замечаниями, и Николаю было велено в кратчайшие сроки разобраться с системой записи аккордов, уметь их играть с листа, как они говорили, «на шару». В одну из осенних холодных суббот их поездки начались. Они больше часа ехали на автобусе номер 18, затем от остановки по тропинке пересекли овраг, чтобы сократить путь до клуба. В первый раз, прибыв на место, Николай в ужасе увидел те инструменты и аппаратуру, что пылились в затонском клубе. Он тут же вспомнил гитары из “Дружных ребят”.

– И на этом можно играть? Ударная установка просто убивала своим облезлым видом. Пластик на большом барабане разорван, стягивающие винты частично отсутствовали. Он с ужасом увидел среди нескольких разбитых гитар уже давно знакомую “Тонику” Заведующая клубом появилась незамедлительно, и сразу же о чем-то завела разговор с Шабариным, ни малейшего внимания не уделив остальным участникам. Это была крупная женщина с высоким шиньоном на голове. На ее слоновьих ногах красовались ярко-фиолетовые туфли с золотыми пряжками. Она подобострастно склонилась к низкорослому Шабарину. Тот держался с таким важ-

ным видом, будто, сам нанимал её на работу уборщицей.

Покончив с переговорами, он быстро вернулся к ребятам.

– Так, играем прямо сегодня. У нас еще есть целый час на репетицию. Быстро все прогоняем по куплету. Это было каким-то безумием, но выхода Шабарин им не оставил. Кое-как удалось на скрученных проводах включить колонки и микрофоны. Чтобы кабели не выскакивали из гнезд, их укрепляли воткнутыми спичками. Выручало то, что старая аппаратура для кино в этом зале еще была жива. Николаю впервые предстояла откровенная халтура. В его памяти перемешались новые песни Шабаринского репертуара, записи аккордов. Тонику удалось настроить не сразу. После этого расстояние между ладами и струнами стало весьма некомфортным для начинающего гитариста, но делать было нечего...

– Раз, два, три! – ударили барабанные палочки, и понеслось. Заиграли “Yellow River”²⁸. В зале стала появляться публика. В основном, рабочая молодежь из доков, какие-то ПТУшницы, потом пришли и более зрелые тетki. Они всю тряслись и вертелись под музыку, и Николаю уже не казалось, что все это халтура. Репертуара не хватало на полный вечер, пришлось повторять “Воскресенье” и “Александрину”. Пели ребята изумительно. Двухголосие из Мартьяновского баритона и нежного Шабаринского тенора складывалось превосходное. Если требовалось, Мартьянов добавлял

²⁸ Композиция британской группы “Christie”

“форсаж” с хрипотцой, его палочки из граба виртуозно извлекали звук из безнадежно убитых барабанов. Если хэт падал, Сашка, продолжая отбивать ритм, лихо подхватывал его, зажав одну палочку подмышкой. На вокале держалось почти все, ибо Колин аккомпанемент вряд ли можно было назвать совершенным. Гитара, включенная в “Электрон-10” звучала непристойно глухо и безлико. Переключатель тембра не работал, а ручка громкости при легком касании вызывала в колонках треск. Перед несчастным гитаристом после антракта возник пюпитр с записью аккордов к новым песням. Вглядываясь в тексты и буквенно-цифровые знаки, он еле попевал за ребятами. Старые струны на “Тонике” под конец вечера окончательно разлохматились.

Николай натер на пальцах кровавые мозоли.

Шабаринский бас гудел через кинаповскую колонку, стараясь максимально заполнить все пустоты маленького состава. В зале звуки летали, отражались, дребезжали.

На часах уже было начало одиннадцатого ночи, когда танцы закончились. Молодежь неохотно покидала зал, музыканты начали сворачивать инструменты. В зале наступила сладкая тишина, когда дверь за последним затоновцем закрылась, Шабарин защелкнул на ней замок, чтобы посторонние их не беспокоили.

– Да-а, – протянул Мартьянов, так мы долго не продержимся. Барабаны разваливаются на ходу.

– Ну, Николай, ты даешь! Столько лажи! – Шабарин на-

хмурился, – ну, я, конечно, понимаю, песни новые, незнакомые. Надо читать с листа, нам некогда репетировать, мы учимся четыре раза в неделю! Коля ничего не сказал, засовывая “Тонику” в чехол. Он работал пять дней в неделю. У него не было сил оправдываться, он и сам все прекрасно понимал. Играть втроем на таких инструментах было безрасудством. Работать без репетиций – путь в никуда, читать с листа может тот, кто умеет читать с листа.

– Так, сейчас уже поздно, пошли ночевать к моей бабушке, она тут рядышком живет сказал Шабарин, – мы пока не заработали на такси. Они вышли в полночную слякоть, освещенную редкими фонарями. Путь до Шабаринской бабушки оказался недолгим. Поднявшись на второй этаж деревянного дома барачного типа, они постучали, и им открыла сгорбленная седая старушка. Она радостно обняла Сашку и вся банда, оставив в коридоре грязную обувь, протопала в носках в комнату. Татьяна Анатольевна – так звали ее, тут же усадила их за стол, и принесла три огромные тарелки с густым и наваристым куриным супом с вермишелью. Это было достойное завершение первого дня их совместной работы. Они замолчали, и с удовольствием принялись хлебать вкусный обжигающий суп, заедая его серым хлебом. Бабушка в это время постелила им на полу, поскольку никаких кроватей в доме больше не было. Когда с полночной трапезой было покончено, ребята улеглись рядком на полу. Какое-то время Мартянов еще рассказывал разные анекдоты и байки, по-

черпнутые в музыкальном училище, а потом вся троица погрузилась в здоровый и крепкий сон.

Глава 21

Может быть, меня ты очень любишь,
Но, наверное, все прошло уже,
Только молодость свою погубишь,
Не остановившись на меже...

– вдохновенно пел Шабарин. Трудности постепенно отступали. Николай через месяц после начала их работы в затоне приобрел долгожданную гитару “Eterna”. Своих средств не хватило и львиную долю, как всегда, добавил отец, поощрявший творческие увлечения сына.

По-прежнему, Коля тащил на себе и аккомпанемент и соло, да так, чтобы заполнять все пустоты, связанные с отсутствием в составе органиста. Репертуар теперь был вызубрен, ошибки устранены. Бас-гитарист Саша просил его потерпеть еще немного – понимаешь, меньше народу – больше денег, говорил он, и обещал в ближайшее время достать немецкую аппаратуру и ударную установку.

По-прежнему ночевали у шабаринской бабушки, теперь они давали ей денег на продукты, поскольку, не только ужинали, но иной раз и завтракали у нее. Она отлично готовила всякие каши, а молоко, творог и яйца покупала в деревне.

Сашин папа занимал высокую должность в сфере снабжения.

Только раз побывав у него дома, Николай понял масштабы его возможностей. Скромная квартира на Ковалихе оказалась до отказа набитой всевозможными дефицитными товарами. Даже в прихожей все было заставлено коробками с иностранными надписями:

Panasonic, Grundig, Canon, Robotron и т. п. Пройдя в комнату, Каминский увидел сервант с невероятным количеством хрусталя, приемник “National” из “Березы”, бесчисленные фарфоровые фигурки балерин, в углу – напольную китайскую вазу с искусственными розами и новый телевизор «Рубин» Еще до этого Мартьянов рассказывал, ему о могуществе старшего Шабарина, о том, как посетители приходили к нему всегда с самыми невероятными просьбами и всех их он осчастливливал, доставая, как фокусник из цилиндра, кирпич, стекло, цемент, музыкальные инструменты, красную и черную икру, дефицитные детали для автомобиля.

Телефон в их доме не умолкал, даже в свой выходной день сотрудник госнаба решал любые вопросы.

Шабарин-младший не знал ни в чем отказа, и очень гордился этим.

Наверное, Мартьянов очень завидовал своему избалованному приятелю, который старался походить на папочку во всем. Он красиво одевался, рассыпался в любезностях с нужными людьми, а с простыми вел себя нагло.

Они долго ждали, пока его отец освободится и, когда тот,

наконец, появился, принялись “брать быка за рога”.

– Папа, начал Сашка, – как у тебя там насчет “Регента 60”?

– Нет, сынок, не привозили пока. Есть “моно 25” болгарский. Ударная установка “Трова”

пришла, очень красивая. Потянете?

– Сколько?

По привычке, он нарисовал сумму на бумажке, и протянул Мартьянову.

– Берем!

Через неделю после этого разговора на сцене затонского клуба красовались новые барабаны Мартьянова. За них выложили всё, что было заработано за полтора месяца, плюс все мартьяновские сбережения. Установка стоила того – её раскраска очень напоминала “Ludwig”²⁹, те самые барабаны, с которыми Ринго Старр³⁰ впервые появился на сцене в 1962 году.

По-прежнему было очень тяжело играть втроем, спасали только хорошо поставленные голоса ребят. Николай сделал из своей магнитофонной приставки ревербератор, который немного улучшил звук. Теперь после танцев можно было по записи анализировать разные недочеты исполнения. Чтобы расширить репертуар и создать наполненность в звучании, был приглашен органист, Андрей Букин. Его нашел Мартья-

²⁹ “Ludwig Drum Company” – американская фирма, производившая ударные установки.

³⁰ барабанщик и вокалист группы “The Beatles”

нов. В детстве они вместе учились в капелле мальчиков у Сивухина. Николай воспарял духом. Качество исполнения заметно улучшилось, благодаря хорошему вкусу Букина они успешно разучили несколько хитов из западной популярной музыки. Но сам инструмент – букинская органола «Юность» своим блеющим тембром действовала всем на нервы. Иногда она не строила и тогда Букин доставал отвертку, и начинал подкручивать потенциометры на задней панели. Они мечтали о хорошем органе «Вельтмайстер», но на базе их давно не было.

С наступлением холодов затонскому народу стало неудобно развлекаться на лоне природы – молодёжь повалила в клуб, и сборы увеличились. Заведующая, нанявшая музыкальную банду, радовалась.

В начале зимы команда Шабарина пережила проверку комиссией из культпросвета. Но эта заслуга принадлежала Николаю, проработавшему вопрос с дедом. Председатель комиссии был хорошо проинструктирован Иваном Павловичем. Песни из репертуара советских ВИА, как следовало из текста справки по результатам проверки: “были исполнены на высоком профессиональном уровне”.

Заведующая, ожидавшая разгрома, была очень рада, что так легко отделалась.

– Ребята, – взволнованно тараторила она, – я была так тронута, вы так здорово выступили перед комиссией. Особенно про деревню Крюково! Вы меня спасли. Мы с вами

еще поработаем до моей пенсии! А может, и аппаратуру новую купим. Этой уж сто лет в обед! Шабарин ничего не сказал на этот счет, но многозначительно посмотрел на Каминского. Он прекрасно понимал, что связи Николая в управлении культуры – зеленый свет для трудоустройства на лучшую танцплощадку города, и это дорогого стоит. Недели пролетали одна за другой. Наступила зима. Темными субботними вечерами они вылезали из автобуса на пригорке ближе к зданию затонского клуба. Держа над собой гитары, чтобы не разбить, с криками «Ура!!!», будто в атаку, ребята неслись вниз по склону оврага навстречу колючему снежному ветру. В лицо ударяли острые льдинки, они падали, скатываясь в овраг, тонули в снегу, поднимались и бежали дальше в гору. Через несколько минут, потные, запыхавшиеся, были у дверей клуба. Прошел декабрь. 1973-й встречали на большой сцене клуба. Играли всю новогоднюю ночь напролёт. Затон гулял. Столы накрыли в малом зале, где раньше по субботам играли танцы. Закусок наготовили немало. Тут были и жареные куры, рыба в кляре, салаты из редьки и моркови с сыром и чесноком, домашняя колбаса, фаршированные яйца, соленые огурцы и любимая всеми квашеная капуста. По граненым стаканам разливали желтый, лимонный, с противным сивушным маслом на поверхности самогон. Кто-то принес еще несколько бутылок дешевого болгарского «Ркацители», и «Советского шампанского». Поскольку играли до утра, и ночевать у бабушки не собирались, Коля пригласил на вечер

своего друга – Сергея Кашина. Они поднялись на сцену.

– Это ваша ударная установка? – спросил он. Ну, надо же, как у Битлов. У “Шестого чувства” даже хуже!

– Ты сегодня на “Этерне” поиграешь, – Каминский начал снимать с гитары бархатный чехол.

– Да-а, – друг был впечатлен, – вещь! Чувак, а “Feelin Allright”³¹ дашь мне сыграть?

– Можно! Сегодня все можно, Серёга. Вся ночь впереди. Новый Год! В перерывах сидели за столом. Выпивали совсем чуть-чуть, Каминский самогоном брезговал, налил себе сухого вина, поймав неодобрительный взгляд женщины, сидевшей напротив. Но вскоре выяснилось, что она на вино не претендует, и сама налегает исключительно на водку «Экстра», принесенную соседкой слева. Вечер тянулся бесконечно. После третьего перерыва, когда самых шумных мужиков вывели, женщины начали приставать к музыкантам. Шабарин запустил руку в свой дипломат, и извлек из него еще одну бутылку «Экстры». Букин воскликнул “Ура!” и бабы оживились. Пробило двенадцать, теперь все выпили за Новый Год. Играли после четвертого подхода к столу уже несерьезно. Начались “цыганочки”, “барыни”, одесские песни и пр. Кашин отлично заменял Колю, если было нужно играть эту музыку без мозгов. Каминский развеселился, и отплясывал в зале с какими-то девчонками. В тот вечер переломали немало барабанных палочек, порвали струну на Этер-

³¹ Композиция сонграйтера Д. Мэйсона

не, натёрли на пальцах кровавые мозоли, а Шабарин даже с кем-то подрался. Глава 22 Николай подружился с Букиным. Андрей жил в конце Краснофлотской, там, где трамвайное городское кольцо делает очередной поворот. Он часто стал заходить к нему, они вместе слушали пластинки, если такие удавалось раздобыть, записывали ленты. Каминский уже имел профессиональный магнитофон “Тембр” и небольшую коллекцию записей, Букин, глядя на приятеля, тоже завел себе такую технику. Это был первый шаг к звуку высокой верности. Андрей открыл Николаю много новой музыки. Пластинки медленно, но верно, проникали в город. Часто друзей можно было застать сидевшими на полу в зале около магнитофона. Здесь они впервые слушали, еще почти никому не известного, Джо Кокера. Николай очень нравился матери Букина, и всегда был желанным гостем в его доме. Иногда она ставила Колю сыну в пример, говоря о том, как он занимается, и собирается поступать в институт, и что Николай – серьезный мальчик, ночует дома, по девкам не бегает, вино не пьет. Особенно ее пугали девки, которые сами бегали за этим весьма обаятельным типом. Букин кое-как учился в Борском культпросвете, и критику в свой адрес отвергал. Время от времени он ездил туда и даже сдавал зачеты и экзамены. Андрей заряжал вокруг себя всех здоровым юмором и хорошим настроением, девушки, действительно были в восторге от этого лохматого худого существа в круглых черных очках и фиолетовых джинсах "Melba". Дом его был всегда

открыт для Николая, который частенько забегал к нему прямо с работы с новыми записями или пластинками. Тогда Букин обязательно старался его чем-нибудь накормить. Они располагались на его четырехметровой кухне, Андрей нагревал огромную сковородку, и разбивал в нее 18 яиц, причём, это была глазунья, желтки они выедали сначала чайной ложечкой, а затем, сметали все остальное вилками и хлебом. Период работы в затоне не лучшим образом отразился на учебе Андрея. Накопилась куча долгов и пропущенных занятий. Николаю тоже предстояло самым серьезным образом наладить свои отношения с математикой для летней кампании поступления в институт. Времени оставалось все меньше и меньше, а существенного продвижения вперед не было.

Глава 26

В конце февраля Ивану Павловичу стало хуже, и его госпитализировали в больницу № 3.

К сожалению, сделали это с большим опозданием. Второй инсульт был вызван известием о смерти его лучшего друга и учителя Горницкого, которое от него не сумели скрыть.

28 февраля Каминского не стало.

В ту ночь Николая не было в городе, он выезжал с испытаниями прибора в Студенец, где сотрудники института установили аппаратуру на территории пионерского лагеря.

На другой день его сменил Крыленко, ему же и пришлось сообщить приятелю грустную весть.

Ивана Павловича хоронили с большими почестями. Приехали многие из его учеников и кружковцев, управление культуры пришло проститься с ним, были артисты театра драмы.

Похороны состоялись в Марьиной роще. День выдался холодным, бушевал колючий ветер, раскачивая голые ветки деревьев. Николай сильно промерз, и отогрелся только на поминках, выпив водки. Народу в столовой на площади Свободы собралось человек пятьдесят, а может и больше, говорили о Каминском, вспоминали его добрыми словами.

Бабушка выглядела плохо, Николай очень боялся за нее, в последнее время она часто болела, по ночам кашляла. Переохлаждение было для нее нежелательно. Вечером вернулись

домой, уставшие, молчаливые. Отец налил себе еще водки, выпил один, мать с книжкой удалилась в спальню. Николай выпил чаю на кухне с бабушкой, он знал, что сейчас должен быть рядом именно с ней. Он обнял её, они стояли у заклеенного окна, и смотрели, как пустеет улица, как в неверном свете фонарей кружится снег.

Весной Каминского заставили учиться от военкомата на специальных курсах после работы. Пришлось ездить каждый вечер на площадь Ленина в центр ДОСААФ. Они стали реже встречаться, группа трещала по швам, репетиции были заброшены. Затонский клуб закрылся на ремонт, и ребята "повисли в воздухе". Им очень хотелось работать где-нибудь на открытой площадке в городе. Для этого нужно было пройти прослушивание, но моральной готовности, базы для занятий и репертуара не было.

Мартьянов все чаще начал поговаривать о возвращении в Ленинград. Николай догадывался, что это не связано с учебой, – Сашку снова зовут в ресторан. В этом был резон – работать с настоящей группой, а не начинать в Горьком все с нуля. Это был конец, барабаны пришлось продать «Шестому чувству», а с мечтами о танцплощадке на время расстаться.

Глава 27

Было "июльское утро"³².

– Букин! – заорал Николай, сойдя с трамвая. Подниматься на шестой этаж без лифта в такую жару не хотелось. На балконе появился заспанный Андрей в черных семейных трусах.

– Собирайся, поехали! – комментарии были излишни, все обговорили еще вчера. Николай отошел в тень и нетерпеливо стал ждать друга. На нем были самопальные брюки из коричневого корда, в руках небольшой дорожный баульчик (с ним его дедушка когда-то ходил в баню на Черный пруд), он содержал в себе какую-то нехитрую дорожную еду, несколько школьных учебников и подарок – бутылку водки для друзей из спортивного лагеря. Андрей вскоре вышел из подъезда.

– Зачем так спешить, я даже не позавтракал!

– В поезде поедим, полчаса осталось до отхода.

Они неслись в электричке арзамасского направления, уничтожая яйца, помидоры, черный хлеб с докторской колбасой, и лимонад. Букин, размахивая свернутой газетой, волевал с мухами, слетевшимися на их трапезу.

– А далеко еще ехать, Каминский?

– Еще пару часов. Солнце жарило беспощадно, они с тру-

³² “Julian Morning” – композиция рок-группы Uriah Heep из альбома “Look At Yourself”

дом открыли окно, в купе ворвался свежий ветер, и настроение улучшилось.

– А девки там будут? – приставал Букин.

– Будут, и много. Весь университет, сплошные девки. Ты там будешь на полном пансионе, Буров тебе путевку сделал, как положено.

– А тебе? Тебе не сделал?

– Да, я ведь, ненадолго. Поживу недельку, и домой. Главное, ребят выручить.

– Ну, это как-то неправильно, надо, чтобы он и тебе сделал путевку. Что ты будешь есть, где спать?

– Бучок, да фиг с ним, прорвемся. Ты мне лучше скажи, спецуху сдал?

– А ты как думаешь?

– Думаю, что не сдал. Если б сдал, всю дорогу бы рассказывал, как сдавал.

– Это точно.

– Как же тебя отпустили, Андрюха?

– Да, никто и не отпускал. Написал матери записку, и был таков. Они бы меня сейчас до осени грызли, веришь?

– Верю. Несколько дней назад. Бабушка сняла трубку.

– Колюнчик, это тебя, Саша Буров. Коля валялся с учебником геометрии на диване, и вникал в доказательство теоремы.

– Алё, привет!

– Привет, у меня к тебе дело. Можно даже сказать, пред-

ложение. Нет ли у тебя барабанщика свободного на месяц? Мы тут заезжаем в университетский лагерь играть на танцах, а нашего Шуру в армию неожиданно забрали. Он закончил пятый курс, и его загребли. Думали, до осени оставят, а тут такое дело... у тебя же там есть Мартьянов, ударник-вокалист, он как, сможет?

– Мартьянов на прошлой неделе в Питер уехал на все лето. Решил в училище восстанавливаться. Все, тю-тю, Мартьянов.

– Слушай, Колёк, у меня путевка на него есть, и тебя мы вытащим отдохнуть.

– Не-е, мне никак нельзя. Я взял неделю отгулов, но мне заниматься надо. Отец репетитора ищет.

– Выручай, Колёк, у тебя полно знакомых. Ну, хочешь, мы с тобой сами будем заниматься? Золотухин будет и Петров. Я сам буду с тобой час заниматься физикой и алгеброй. Ты забыл, у меня ж золотая медаль. Мы с тебя не слезем, пока экзамены не сдашь.

– Ладно, есть один вариант, перезвоню через часок, хорошо? Он отбился, и тут же набрал телефон Букина.

– Слушаю, – трубку взяла его сестра Верка.

– Бучка дай... Андрюха, ты?

– Ну что тебе? – голос его был какой-то дрожащий и неуверенный.

– Ты как, с барабанами дружишь?

– Ты что, не знал? Я самый лучший ударник. А что нуж-

но? – Андрюха оживился. Если надо, я не хуже Мартьянова могу, и петь могу.

– Отлично, едем отдыхать в университетский лагерь на озере! Ты готов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.